

ЕКАТЕРИНА АЗАРОВА

ТАЙНА МЕДАЛЬОНА

Annotation

Русская девушка Мира приезжает в Японию по приглашению подруги Ами, с которой не виделась несколько лет. Ами просит Миру заодно привезти ей старинный медальон, который хранится у ее бабушки в России. Во время поездки по Токио Мира подвергается нападению таксиста. Ее спасает загадочный юноша Хан, который объясняет гостье из России, что таксист одержим призраком. А все дело в медальоне Вису, ради которого потусторонние существа из древнеяпонской мифологии готовы начать настоящую войну...

Екатерина Азарова
ТАЙНА МЕДАЛЬОНА

Аэропорт Нарита^[1] походил на множество других. Прохлада кондиционеров, стойки регистрации и вежливый персонал. Я успешно прошла паспортный контроль, оставалось только получить багаж, но как раз здесь и крылась проблема. Моего чемодана не обнаружилось на ленте транспортера, и в данный момент я занималась тем, что пыталась выяснить его местонахождение.

— Вам необходимо написать заявление, и, как только будет что-то известно, мы с вами свяжемся, — в очередной раз повторил молодой человек, поклонился и протянул мне чистый бланк.

Машинально ответив вежливой улыбкой, я придвинула к себе листок бумаги и взяла ручку. Имя, фамилия, суть проблемы, описание и контактные данные. Все просто и понятно благодаря переводу на английский. Вздохнув, принялась за дело, судорожно пытаюсь найти в происшествии положительный момент. Получалось плохо, потому как в утерянном чемодане находились все мои вещи. Зато документы, деньги и медальон, что я обещала привести Ами, остались при мне. Так что не все так и плохо!

Еще раз прочитав написанное, на всякий случай указала и адрес Ами. Убрала паспорт в рюкзак и попыталась выяснить, сколько времени займут поиски.

— Не могу сказать, — продолжая профессионально улыбаться, заметил служащий. — Мы постараемся сделать все как можно скорее. Будут новости — мы вас уведомим.

А вот в это верилось с трудом. Помню, во время одной из поездок мой багаж вернули мне, когда я уже прилетела обратно. Пришлось покупать все на месте. Но, насколько я знала, Япония — довольно дорогая страна, а мой бюджет — ограниченный. Правда, всегда можно вспомнить школьные годы и устроить набег на гардероб подружки... И все же я продолжала надеяться — это временное недоразумение, и скоро я получу свои вещи.

— Могу что-то еще для вас сделать?

— Нет, спасибо.

Я снова улыбнулась, чуть склонила голову и отошла от стойки. Достала телефон, с досадой обнаружив, что он разрядился, и покачала головой. Планшет тоже показал отсутствие признаков жизни. Пожалев, что засунула зарядку в чемодан, понадеявшись на полный заряд гаджетов, лишь вздохнула и включила в список трат еще и ее. Да уж, «хорошее» начало поездки!

— Извините, могу я вам помочь?

Вопрос прозвучал на чистейшем русском языке. Сомнений, к кому обращались, не оставалось. Быстро вскинув голову, я едва не воскликнула от восхищения. Передо мной стоял азиат, и, признаться, мне редко приходилось встречать таких привлекательных мужчин, хотя до сих пор я совершенно ровно дышала к подобному типу. А если добавить к этому спортивную фигуру и рост... Хотя рядом со мной и невысокий мужчина среднего телосложения не чувствовал себя неловко. Увы, я была не только худой, но и обладательницей метра пятидесяти шести и ни сантиметра больше. Мое проклятье еще со школы, когда приходилось стоять последней на уроках физкультуры.

— Так я могу вам помочь? — повторил он.

— Простите, — пролепетала я, прокашлялась и продолжила увереннее: — У меня сел телефон, если позволите позвонить с вашего, буду признательна.

— Конечно.

Порадовавшись за старую привычку дублировать всю нужную информацию на бумаге, я достала записную книжку, быстро нашла номер Ами и набрала его. Слушая гудки, я невольно разглядывала моего спасителя. При ближайшем рассмотрении мужчина казался еще более привлекательным. Я решила, что ему около тридцати, хотя сложно сказать точнее. Высокий, даже слишком для азиата, он обладал приятными чертами лица, красивыми глазами и твердой линией губ. Классические туфли и брюки, белая рубашка, пиджак перекинут через руку. Во всем его облике чувствовалась властность, сила и животный магнетизм, несмотря на довольно легкомысленную прическу. Все же не часто увидишь мелирование у мужчин. Но, надо признать, ему это чертовски шло...

— Да? — прозвучал неуверенный голос подруги.

— Ами, это Мира... — начала я.

— Почему ты звонишь с другого номера? — перебила она меня.

— У меня телефон сдох, как и планшет, пришлось воспользоваться чужой трубкой, — объяснила я. — Ами, ты где? Насколько я помню, ты обещала встретиться.

— Прости, у меня появилось срочное дело, пришлось уехать из Токио на пару дней. Ты привезла, что я просила?

— Конечно, — улыбнулась я.

— Замечательно! Бери такси и приезжай ко мне домой. Адрес помнишь? — Когда я подтвердила, она продолжила: — Я оставила ключи в почтовом ящике. Занимай любую комнату и пользуйся всем, чем захочешь. В общем, чувствуй себя как дома. Погуляй по городу, пробежись по магазинам, а когда вернусь, поедем в Киото^[2] и на Фудзи^[3] как договаривались. — Я нахмурилась, слушая сбивчивую речь с заметным акцентом, но в это время на другом конце послышалось одно из объявлений, которые часто бывают в аэропортах и на железнодорожных вокзалах. Подтверждая мое предположение, подруга быстро затараторила, не давая мне вставить ни слова. — Мира, умоляю, не потеряй медальон. Лучше всего... надень его на себя и не снимай. Все, мне пора бежать. Люблю тебя. Увидимся через пару дней.

Ами отключилась, и, слушая гудки, я недоуменно смотрела на телефон. Час от часу не легче. Собственно говоря, вся поездка случилась довольно спонтанно. Три недели назад мне позвонила подруга, с которой я не виделась несколько лет, и пригласила в гости. Отговорки, что я не могу себе позволить подобную поездку, она не стала слушать и просто прислала мне билет на самолет. По договоренности я должна была остановиться у нее, оставалось только сделать визу, но с этим я справилась за полторы недели. Еще Ами попросила заехать к ее бабушке, забрать какую-то шкатулку и привезти ей. Несмотря на то что в доме подруги я не бывала довольно давно, бабушка Аки вспомнила меня сразу, мы немного поболтали с ней, а при расставании она отдала мне резную деревянную коробочку и просила передать привет ее внучке. С последним пока были проблемы, но я надеялась, при встрече Ами объяснит мне, что к чему.

— Все хорошо?

— Простите, задумалась. Спасибо за телефон. — Я отдала гаджет, перекинула рюкзак за спину и застегнула куртку.

— Датэ Акио.

— Что?

— Это мое имя, — улыбнулся мужчина.

— Аристов Мира, — представилась я. — Еще раз спасибо за помощь, Датэ-сан.^[4]

— Я так понимаю, вы в Токио?^[5] — уточнил он, и я кивнула. — Нам в одну сторону. Могу подвезти, если хотите. У меня машина на стоянке.

Взглянув на него, я вдруг поняла, что, наверное, откажусь. Предложение было заманчивым, бюджет моей поездки довольно скромным, поэтому я и не собиралась брать такси, а думала воспользоваться автобусом или поездом, но ехать с незнакомым мужчиной, да еще ночью, в чужом городе...

— Спасибо, вы очень добры. Я справлюсь сама.

— Вы уверены? — уточнил мужчина. — Почти ночь, в городе может быть опасно...

— Все в порядке, я возьму такси.

— Будьте осторожны. — Акио улыбнулся и направился к выходу, а я смотрела ему вслед, пока он не скрылся.

А затем, поправив еще раз рюкзак, пошла на станцию.

* * *

Именно в поезде, наверное, я впервые осознала, что нахожусь в Японии. Ами много рассказывала мне о традициях родной страны своего отца, но для меня все равно некоторые моменты стали открытием, если не шоком, в хорошем смысле этого слова. Вот скажите, разве в России кондуктор будет кланяться при входе в вагон, прежде чем начать проверять билеты? Никогда! А здесь это было принято и казалось таким естественным... Хотя я отчетливо понимала, мне повезло — народу было немного, ведь час пик в любом мегаполисе... час пик.

Ами делилась со мной историями о Японии, куда постоянно ездила на каникулы. Не отставала от нее и бабушка Аки. Они развлекали меня мифами, легендами и пытались учить языку. Но то ли я не считала это необходимым, то ли просто ленилась, так что в изучении не особо преуспела. Хотя сейчас я поймала себя на мысли, что до сих пор понимаю отдельные слова и короткие предложения. И это меня радовало, особенно учитывая информацию из сети, что английский здесь не сильно распространен.

Засунув в рюкзак путеводитель, который читала, пытаюсь решить, чем заняться завтра, я с любопытством осмотрелась по сторонам. Понятно, что о погружении в культуру пока речи не шло, но все казалось таким необычным, что взгляд не только подмечал повсеместную чистоту, но и невольно останавливался на пассажирах.

Всю дорогу до Токио мне не давали покоя мысли о моем новом знакомом. Смотря в окно на приближающийся город, полный света и неоновых огней, я пыталась понять, откуда японец так хорошо знает русский язык. И почему он обратился ко мне именно на нем. Если меня не подводила память, в аэропорту я использовала английский. Наверное, именно поэтому отказалась от помощи, подсознательно насторожившись и отдав предпочтение общественному транспорту, а не комфортной поездке.

Расстегнув куртку, я вытащила из-под футболки медальон, что просила меня привести Ами, и всмотрелась в него. Хорошо, что в последний момент я достала его из чемодана и надела на шею, испугавшись вероятных проблем на таможне и вопросов про незаконно провозимый антиквариат. А так — просто красивая бижутерия в азиатском стиле. Я помнила украшение еще по школе. Подруга показывала мне его. Вроде как это их семейная реликвия,

и с ним была связана интересная история, чуть ли не легенда, но как я ни старалась, не могла вспомнить, какая именно. Забыла даже имя предка, в честь которого и назвали медальон... Ами много что рассказывала, но в те годы я не особо прислушивалась, интересуясь совсем другими вещами, как и все мои одноклассницы. Модная одежда, последние киноновинки, популярная музыка. Ами считалась в классе экзотикой, и, если бы не легкий характер подруги, могла стать изгоем из-за происхождения. Наполовину японка, наполовину русская, она отличалась от всех нас, но мы довольно быстро сдружились. К окончанию школы ее семья вернулась в Японию, за исключением бабушки, которая неожиданно решила остаться в России. Первое время мы с Ами поддерживали связь, постоянно обмениваясь сообщениями, потом это стало происходить реже, и вдруг — неожиданный звонок... Я так ждала встречи с подругой, а получается, она откладывается еще на несколько дней. Обидно.

Пальцы скользили по рисунку на кулоне, обводя завитки и непонятные мне иероглифы, когда я почувствовала взгляд. Пристальный такой, оценивающий, заинтересованный. Подняв голову, посмотрела по сторонам. Непривычные надписи, необычные лица. Все вокруг казалось странным. В Европе у меня таких проблем не было. Я вообще в первый раз оказалась в Японии и надеялась, что подруга будет всегда рядом, а оказалось, пару дней буду предоставлена самой себе. Вздохнув, снова обвела вагон взглядом и замерла, когда наткнулась на того, кто смотрел на меня. Нервно сглотнула, не понимая толком, что ощущаю. Увы, дольше нескольких секунд я не выдержала. Потупилась, а затем и вовсе уставилась в окно. Проблема была в том, что в стекле мужчина отражался ничуть не хуже, чем в зеркале. А может, это вовсе и не было проблемой, потому как я могла удовлетворить любопытство и сама рассмотрела его.

То же ощущение силы и властности, как и от Акио. Но он как-то сразу расположил к себе, я машинально ему вежливо отвечала и улыбалась, а этот... С одной стороны, хотелось вести себя тихо, чтобы не вызвать его неудовольствия, а с другой — стало интересно, что будет в таком случае. Сразу же пришло осознание — с огнем играть опасно. По крайней мере, я чувствовала именно это, пока взгляд скользил по отражению. Никакой классики в одежде, скорее стиль байкера. Черные джинсы и кожаная куртка. Темные волосы и чуть тронутая загаром кожа. Этот японец не улыбался. Скорее, наоборот, он казался злым... Хотя на лице не дрогнул ни единый мускул. Не человек, а хищный зверь какой-то!

Я зажмурилась и невольно отвела взгляд. Выдержать подобное напряжение оказалось довольно трудно, припомнился злосчастный чемодан, и только хотела обернуться и грубо спросить, что конкретно этому японцу от меня надо, как обнаружила, что его кресло пустое. Растерянно моргнув, быстро осмотрела вагон, но мужчины и след простыл.

Не знаю, сколько я сидела в растерянности, пока не поняла, что чуть не пропустила нужную мне станцию. Поспешила на выход, успев в самый последний момент.

* * *

Квартирка Ами оказалась очень маленькой, милой, чистой и напичканной самой невероятной техникой. Пока я ходила по ней, устроив себе экскурсию, в очередной раз поразила разнице менталитетов и привычек. Я предпочитала деревенский стиль: пастельные тона в интерьере, разбавленные яркими пятнами текстиля, специально

состаренная деревянная мебель, а еще множество фотографий, статуэток и прочих милых сердцу вещей. Квартира же Ами была пропитана минимализмом, практичностью и идеальным состоянием вещей. Даже бонсай — и те были идеально подстрижены и стояли на подоконниках именно там, где они смотрелись идеально. Единственное, что немного выбивалось из общего впечатления, — рабочий стол подруги, над которым висели полки, забитые книгами, журналами и альбомами. Вытащив наугад один из них, я с удивлением обнаружила, что в нем множество иллюстраций с мифологическими существами. Увы, прочитать пояснения у меня не получилось по вполне понятной причине. Если устную речь я немного могла понять, японская письменность оставалась для меня тайной за семью печатями.

Бросив взгляд на часы и обнаружив, что уже давно за полночь, я нашла постельное белье и устроила себе спальное место на диване. Некоторая заминка вышла в ванной, пока пыталась разобраться в невероятном количестве кнопок, но интуиция взяла верх, и я справилась и со стиральной машиной, и с душем.

Чистая, но уставшая, я долго пыталась привыкнуть к новой «кровати», заодно рассматривая альбом Ами, пока сон не сморил меня окончательно.

После традиционной русской присказки всю ночь мне снилась ерунда, где Акио и незнакомец из поезда представляли в каких-то невероятных обликах. То люди, то звери, то вообще некий промежуточный вариант. Было совершенно непонятно, кто они такие на самом деле. Что конкретно они делали, вспомнить не могла, но ощущения от сна остались странные. Я успела испугаться, разозлиться и снова испугаться. В любом случае вряд ли я еще с ними встречу, поэтому и думать про это не имеет смысла. Обвинив во всем книгу и шикнув на разгулявшуюся некстати фантазию, я быстро привела себя в порядок и задумалась. Еще вчера, когда добиралась до квартиры подруги, не могла не обратить внимания на местную моду, чувствуя себя по сравнению с местными девушками белой вороной, и дело вовсе не в том, что я европейка. Японки умели выделиться в массе. Яркие, порой нелепые наряды, они неизменно притягивали к себе внимание, так же как и прически.

Помнится, Ами в России поначалу одевалась подобным образом, хотя позже изменила стиль в соответствии с местными обычаями. Но сейчас, разглядывая гардероб подруги, я с радостью отметила, что Ами вернулась к прежнему буйству красок и фасонов. Хотелось одеться так же ярко, чтобы не сильно выделяться. Тем более что улетала я из холодной апрельской Москвы, а в Токио было уже довольно тепло, в наличии у меня имелись джинсы, тонкий свитер и куртка, до магазинов надо было еще дойти. С зарядкой мне повезло, я смогла купить ее в аэропорту. Вчера это показалось мне самым главным, а вот об одежде я не подумала... Ладно, сегодня исправлю ситуацию. Главное, я на связи, хотя Ами по-прежнему не отвечала.

Вытащив из сушилki одежду, быстро натянула белье, а все остальное решила позаимствовать у подруги. Покопавшись среди вещей, выбрала короткую красную клетчатую юбку и белую блузку, балетки завершили образ. Посмотрев на себя в зеркало, рассмеялась. Мне и дома не давали больше восемнадцати, но сейчас я выглядела еще моложе, а в подобном наряде напоминала себе школьницу. Для полноты образа еще и распустила волосы, дав им разметаться по спине волной, растрепала челку и немного подкрасилась. Почти на пороге вспомнила о том, что чуть не забыла шляпку, а это при моей светлой коже было практически самоубийством. Снова порывшись в шкафу Ами, нашла подходящий головной убор и закинула на плечи рюкзак.

По плану у меня была культурная программа, которой я и намеревалась заняться. Предполагала, что Ами будет везде меня сопровождать, но, оказавшись в одиночестве, я немного растерялась. Посмотрев на часы и осознав, что на широко разрекламированное в путеводителе шоу на рыбном рынке уже не успеваю, я решила срочно корректировать планы.

В итоговом списке значились: Императорский дворец, несколько храмов, и, естественно, я хотела собственными глазами увидеть цветущую сакуру^[6] в одном из парков. Путеводитель и карта помогли составить маршрут. Конечно, не обошлось без традиционного блуждания в метро, однако мне удалось доехать до нужной станции.

* * *

Коисикава Коракуэн...^[7] Сад удовольствия. Только сейчас я поняла смысл этого слова. Путеводитель говорил, что это один из лучших традиционных ландшафтных садов не только в Токио, но и в самой Японии. А на деле... я и представить не могла, что на свете существует подобная красота. Идеальные газоны соседствовали с дорожками, деревянные мостики сменяли каменные, а клены так низко клонились к зеркальным водоемам, в которых плавали знаменитые карпы, что порой казалось — деревья специально нагнули, чтобы ими могли любоваться не только люди, но и рыбы. И тех и других было в избытке. Но правила балом, несомненно, умэ.^[8] Когда до меня донесся очередной порыв ветра, показалось, что наступила зима. Только эта зима была нежной, обволакивала вместо снежинок розовыми, вишневыми и белыми лепестками и забирала сердце навечно. Невесомо коснувшись кончиками пальцев каменного светильника, поверхность которого поросла мягким изумрудным мхом, задумчиво посмотрела на озеро. Его пересекал деревянный мостик, над которым склонились цветущие ветки японской ошвы, словно пряча от любопытных взглядов, и, что самое главное, на нем никого не было. Странно... В парке так много людей; а этот уголок оставался нетронутым, словно ждал меня.

Не сумев противостоять искушению, я поднялась на мостик, дошла до середины и перегнулась через перила. В воде плавали карпы, ветерок кружил розовато-малиновый «снег», а у меня сердце замирало от восторга. Выпрямившись, я откинула голову назад и посмотрела на небо. Лепестки все падали и падали, лаская лицо, а я оказалась в том странном состоянии, которое обычно бывает на границе сна и яви. Вытянув руку, попыталась поймать несколько весенних «снежинок», неожиданно для самой себя вдруг рассмеялась и начала кружиться. Безбашенное настроение вполне разделял очередной порыв ветра, который сорвал с меня шляпку, унес куда-то вдаль и стал играть с волосами. Но мне не было до этого никакого дела. Я все кружилась и кружилась, пила ощущение безграничного счастья жадными глотками, запоминала скоротечную красоту и хотела, чтобы этот миг никогда не заканчивался.

— Аристов-сан? — окликнул меня мужской голос, и я застыла в той же позе, в которой остановилась: откинутаая назад голова, разведенные в стороны руки, слегка изогнутая спина.

Буквально пару секунд легкий испуг боролся с нежеланием возвращаться в реальность, затем я наконец выпрямилась и посмотрела на того, кто стоял на мостике в нескольких метрах от меня. Мой вчерашний знакомый из аэропорта. Датэ-сан приветливо улыбался, всей своей позой демонстрируя радость от встречи, и в руках держал мой головной убор.

— Это мое, — машинально заметила я.

— Я знаю, — кивнул Акио, протягивая мне шляпку. — Видел, как ветер подхватил и унес, но мне удалось ее поймать.

— Спасибо. — Быстро надев ее, я замолчала, не зная, что сказать, но вежливость взяла верх. — Здесь очень красиво. Простите, наверное, я что-то не так сделала...

— Что вы! Прекрасная девушка танцует в вихре лепестков. О таком зрелище можно только мечтать, но редко когда доводится увидеть. Спасибо за доставленное удовольствие, что завораживает не меньше, чем ханами.

— Ханами?^[9] — пробормотала я, смутившись, и продолжая разглядывать настил моста.

— Любование цветами, — в голосе Акио слышалась улыбка. — Это наша традиция. Вам повезло, что вы приехали в Японию в этот сезон. Конечно, есть еще ханами ландыша, гвоздики, космеи... Но ничто не сравнится с умэ и сакурой! Как я уже говорил, вы попали к самому началу, когда после сливы можно полюбоваться и вишней... Надеюсь, вы увидите это!

В голосе Акио звучала такая страсть, что я невольно подняла голову. Мужчина мечтательно смотрел то ли на меня, то ли на дерево позади, но так при этом улыбался, что я ответила тем же.

— Вы так любите свою страну, Датэ-сан.

— Разве можно иначе. С моей стороны не будет невежливо, если я предложу вам погулять по городу? — неожиданно спросил он. — Насколько я понял, вы впервые здесь и остались в одиночестве, а я родился и вырос... Я знаю каждый уголок как в Киото, так и в Наре.^[10] Обычно туристы посещают их, — добавил он. — Если будет желание, я могу стать вашим личным гидом.

— Киото прекрасен, я не сомневаюсь, но мне кажется не совсем удобным так занимать ваше время, — попыталась быть столь же вежливой, как и Акио. Получалось плоховато, но я старалась. — К тому же через пару дней вернется моя подруга. Но если вы составите мне компанию в прогулке по Токио, буду признательна.

— Вы делаете меня счастливым.

Мне действительно захотелось, чтобы этот потрясающий японец познакомил меня с городом. Общаться с Акио было одно удовольствие. Про то, что он привлекал меня как мужчина, говорить не приходилось.

* * *

Что могло стать лучшим завершением прекрасного дня? Только ужин в одном из ресторанов с видом на ночной Токио в компании невероятного мужчины. С обоюдного согласия перешли на неформальное общение. Аристов-сан звучало ужасно, в чем я откровенно и призналась, когда попросила называть меня по имени. Акио взамен настоял на подобном. Традиционная приставка «сан» никуда не делась, но меня это не напрягало. Пока...

Давно я не чувствовала себя настолько свободно и хорошо. Акио действительно знал о Токио столько, что мне оставалось только слушать его, открыв рот. И я окончательно удостоверилась — ни один путеводитель не может рассказывать так интересно. Мужчина касался самых важных моментов, приправляя это все историей, окутывая легким флером

мифов и легенд. Я была очарована и совершенно не заметила, как пролетел день. Мы побывали не только в Императорском дворце, но и в куче самых разных мест, которые не относятся к туристическим маршрутам. Я увидела Токио таким, каким он предстает перед глазами местных жителей, не обойдя вниманием и основные достопримечательности Токио. Мы быстро перешли от отстраненной вежливости к дружескому общению, что меня крайне порадовало.

С сожалением осознав, что наступил вечер, я с удовольствием приняла приглашение вместе поужинать. Но и здесь Акио сумел меня удивить, выбрав ресторан с видом на горящую яркими огнями Токийскую башню. Мы уже были там днем. Потрясающий вид на город, хотя высота и стеклянный пол заставили сердце на какой-то миг остановиться и снова забиться чаще. С тех пор оно больше не приходило в нормальное состояние, и дело было не только в достопримечательностях.

И вот новое испытание для него. Прекрасный ресторан, вкусная еда, необыкновенный вид за окном и тот, с кем уже совсем не хочется расставаться.

— Ты так забавно держишь хаси, ^[11] — улыбнулся Акио, когда я рассматривала, что еще хочу попробовать из множества блюд.

— А что не так? — уточнила я, на мгновение испугавшись, что нарушила какие-то правила, и сжимая палочки.

В этот момент Акио перехватил мои пальцы, заставляя поднять руку.

— Сейчас, когда ты зажала их в кулаке, этот жест можно расценить как угрозу, но я хотел сказать совершенно о другом. — Мужчина провел большим пальцем по моим, отчего я невольно затаила дыхание, и добавил с мечтательным видом: — Существует такое поверье: говорят, будто по тому, каким образом девушка держит хаси, можно определить, далеко ли от дома она уедет, выйдя замуж. Чем ближе к толстому концу держит — тем дальше и уедет. Судя по этой примете, ты не избежишь подобного. Мира-сан, ты никогда не думала, чтобы задержаться в Токио?

Мне хотелось заплакать. Сейчас я желала именно того, о чем он меня спросил: остаться в Токио, дальше плыть на волнах романтики и зарождающейся влюбленности в этого потрясающего мужчину.

Телефонный звонок не позволил мне окончательно сформулировать ответ, и я была рада этому. Акио отпустил мою руку, извинился и ответил. Я сразу почувствовала, как он изменился. Голос стал жестким, взгляд холодным и колючим, а отвечал мужчина настолько отрывистыми фразами, что я совершенно не могла уловить смысл. Акио коротко взглянул на меня, вроде как попрощался с собеседником и отключил телефон.

— Что-то случилось? — уточнила я.

— Хотелось бы ответить, что нет, но это не так, — вздохнул он. — Появились срочные дела, которые требуют моего личного присутствия. Прости, я не смогу отвести тебя домой.

— Понимаю, — помедлив, ответила я.

Не хотелось думать о плохом, но какие дела могут возникнуть так поздно? Может, Акио надоело и день, потраченный на меня, более чем достаточно? А телефонный звонок — просто прекрасный повод все закончить?

— Я хотел бы встретиться завтра, — улыбнулся Акио. — Что, если я заеду за тобой часов в девять?

— С удовольствием. — У меня от сердца отлегло.

— Замечательно. — Мужчина попросил счет, расплатился по нему, поднялся и

приблизился ко мне. — До завтра?

— Обязательно, — прошептала я и затаила дыхание.

Мне казалось, что он сейчас склонится и поцелует меня, но Акио лишь кивнул головой и ушел, оставив меня в полной растерянности.

Время шло, а я продолжала смотреть в сторону, где скрылся блондин, и пыталась понять собственные эмоции. Не думала раньше, что за такой короткий срок смогу испытать подобную гамму чувств. Несмотря на возраст, я давно научилась осторожности, а сегодня... я ощущала себя школьницей, словно легкомысленная одежда напрочь выключила разум. Нервно выдохнула и едва не подпрыгнула, когда к столику подошел официант и уточнил, хочу ли я чего-то еще. Я покачала головой, улыбнулась и склонила голову. Он забрал счет, а я быстро допила воду, поднялась и направилась к выходу.

* * *

На улице было прохладно. Обхватив себя руками, я пожалела, что не взяла куртку, и вспомнила про забытую в машине Акио шляпу. Как здесь не вспомнить еще одну примету, пусть и русскую, — мы обязательно встретимся с ним. Мечтательно посмотрев вдаль, я пыталась решить, взять такси или добираться на общественном транспорте. Побоявшись снова заблудиться, тем более в поздний час, склонилась к первому варианту. Да, дороговато, но, с другой стороны, я уже плутала в поисках нужного номера дома вчера и сегодня вряд ли смогу справиться с этой проблемой. обойдусь без шопинга. Если будет необходимо, устрою еще один набег на гардероб подруги. А с учетом того, что Акио настоял на оплате всех сегодняшних развлечений и экскурсий, деньги у меня оставались.

Посмотрев по сторонам, я заметила несколько машин, в одной из которых после недолгих размышлений опознала такси, пусть на ней и не было привычной надписи сверху, и решительно двинулась в ее сторону.

Я уже почти привыкла, что если долго происходит хорошее, то надо ждать плохого. И то, что водитель не говорил по-английски, ожидала. Я честно пыталась объяснить, чего я хочу от таксиста в идеальном костюме, но плюнула и достала листок с адресом Ами, который продемонстрировала ему. На мое счастье, эта информация у меня имелась на японском. Мужчина еще что-то сказал, я привычно не поняла, но, когда открылись двери, со вздохом облегчения скользнула назад и откинула голову на сиденье. Как закрылись двери, внимания не обратила, думая об Акио. Было в нем что-то такое притягательное. Это сводило с ума, отключало осторожность и логику, оставляя лишь желание наслаждаться общением. При этом я совершенно на него не обижалась, хотя, по большому счету, он бросил меня. Я все равно думала о завтрашней встрече, мечтательно улыбалась и хотела приблизить новый день.

Водитель молчал, не делая ни малейшей попытки заговорить. Не знаю, то ли в Японии было так принято, то ли мне попался молчаливый водитель, но я была рада этому обстоятельству. В какой-то момент я, кажется, даже задремала, а когда проснулась, то поняла, что машина остановилась.

— Приехали, — сказала самой себе, но, посмотрев в окно, обнаружила, что машина находится на незнакомой темной улице.

Быстро взглянула на водителя, но он сидел и смотрел впереди себя, никак не реагируя. Я попыталась ему сказать, что он ошибся адресом, но, припомнив уже возникшие однажды

сложности перевода, замолчала и вновь вытащила бумажку с адресом.

— Господин, — громко позвала, протягивая координаты Ами.

В этот момент мужчина повернулся, я от испуга отпрянула и вжалась в сиденье. Таксист менялся на глазах: волосы в один момент растрепались и отросли, став похожими на паклю, руки, которые он тянул ко мне, удлинились, согнулись в локтях и повисли в запястьях, вокруг всей фигуры появились голубовато-зеленоватые мелкие шарики с хвостиками.

Хотелось закричать от ужаса, но голос пропал. Я нервно дернула ручку, забыв, что двери открываются только со стороны водителя. Попытка открыть стекло осталась безуспешной. Время будто замедлилось, а воздух сгустился.

Руки все тянулись и тянулись ко мне. Казалось, еще мгновение, и они сомкнутся на шее. Не знаю, как не потеряла сознание, но смогла сбросить с себя оцепенение и сильнее начала дергать ручку, стараясь не думать о том, что происходит, и не впасть в панику. Когда раздался скрежет металла и дверь все же открылась, я с такой скоростью рванула в проем, какой вовсе не ожидала от себя. Наткнувшись на кого-то, почувствовала, как меня схватили за руку и дернули вперед с такой силой, что я чуть ли не вылетела наружу. Сохранить равновесие не удалось, я споткнулась и упала на асфальт, больно ударившись ногой. Но на жалость к себе времени не было. Я попыталась подняться, беззвучно выругалась, когда не вышло, хотя развернуться и бессильно сесть на дорогу получилось.

Мужчина в черном, который, видимо, и помог мне освободиться, в этот момент вытащил водителя из машины, бросил его на землю и быстро прилепил ему на лоб какую-то полоску. Огни вокруг стали ярче, и я невольно зажмурилась, страшась увидеть, что сейчас произойдет. Когда я осмелилась открыть глаза, то увидела, что мутанта-водителя и след простыл, а напротив меня стоит мужчина с весьма мрачным выражением лица. К своему ужасу, опознала в нем «байкера» из поезда и поползла назад. Еще в нашу первую встречу я испугалась его взгляда, а сейчас и того хуже. Я не понимала, что вообще происходит. Все казалось страшным сном, но я осознавала: я бодрствую, у меня сильно болит раненое колено, а сама сижу на мокром и холодном асфальте.

— Не двигайся, — после тирады на японском вдруг произнес незнакомец на русском, хотя и с заметным акцентом.

— Что происходит? — прошептала я, когда поняла, что могу говорить.

В ответ я снова услышала несколько фраз на японском, из которых поняла лишь несколько слов, и почти все они походили на ругательства. Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, потому как мужчина замолчал и смерил меня ледяным взглядом.

— Мне тоже интересно, — скривился он, вновь переходя на русский. — Готов выслушать версии.

— Я не понимаю...

— Это отговорка. — Японец протянул мне руку. — Пошли.

Я отчаянно замотала головой, смотря на предложенную руку, как на ядовитую змею.

— Можешь оставаться, — пожал плечами мужчина. — Только учитывай, где один бакэмоно, ^[12] может быть и второй.

— Кто?

— Бакэмоно, — коротко повторил мужчина и выжидательно посмотрел на меня. — Едешь или остаешься?

Представив на мгновение, что останусь здесь одна, поняла: я готова ехать с незнакомцем куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Тем более он вроде не собирается

делать мне ничего плохого, иначе зачем спасать от какого-то... бакэмоно.

Неподалеку стоял черный джип, и, судя по всему, в него меня и приглашали. С земли я поднялась, но за протянутую руку взяться не решилась. Несмотря на принятое решение отправиться с мужчиной, я теперь боялась всего на свете.

— Садись в машину, — распорядился незнакомец. — Чем скорее мы уедем, тем лучше.

— Кто ты? — простонала я. — Что происходит?!

— Хан, — коротко представился он. — Все остальное объясню потом. У тебя тридцать секунд.

Несколько из них ушло на осмысление приказа, еще пара — чтобы окончательно убедиться, что оставаться здесь я не намерена. Подхватив помятый рюкзак, пострадавший при «приземлении», к машине не побежала, но похромала в довольно быстром темпе.

Стоило мне только оказаться внутри, увидела, что мой спаситель уже сидит на месте водителя и нетерпеливо на меня смотрит. Я тут же потянулась, быстро захлопнула дверь, пристегнулась, и в ту же секунду машина рванула с места.

* * *

Молчание становилось невыносимым. Искоса посмотрев на мужчину, попыталась самостоятельно понять, что произошло, ведь пока никто ничего объяснять мне не собирался, но все разумные мысли покинули голову. Бакэмоно... что-то такое я уже слышала. Кажется, персонаж одной из историй бабушки Аки. Вот только почему он вдруг из сказки оказался в реальности, осознать не могла. Да что там, все происходящее до сих пор казалось сном или бредом воспаленного разума. Вот только я находилась не в такси, а разбитое колено не давало забыть, при каких обстоятельствах его повредила. Пребывая в шоке, я чувствовала: если мне сейчас не объяснят, что произошло с водителем, сойду с ума или впаду в истерику. Но Хан смотрел вперед, словно, кроме него, в машине никого не было, уверенно гнал джип по ночной дороге и зло сжимал челюсть, отчего на скулах ходили желваки.

— Что это было? Куда мы едем? — вежливо позвала я, когда поняла, что не могу оставаться в неведении.

Меня наградили тяжелым взглядом, от которого захотелось съежиться, но я лишь прикусила губу и постаралась не отворачиваться в сторону.

— Не понимаешь? — наконец соизволил отреагировать на мои вопросы.

— Нет, — прошептала я.

— Тогда забудь о том, что случилось, — посоветовал он и замолчал.

Рука машинально легла на ручку двери. Страх вернулся в сердце, и я была готова, как только машина немного притормозит, прыгать на ходу. Попасть из огня да в полымя мне совершенно не хотелось!

— Не дергайся, — процедил мужчина, и я отдернула пальцы. — Так-то лучше.

Сложив руки на груди, чувствуя, как меня начинает колотить, я поежилась и посмотрела в окно. Только сейчас я поняла, что машина едет в сторону Токио, и огни города с каждой секундой становятся все ярче. Это куда же меня завезли и сколько времени на это понадобилось, что я оказалась так далеко от города?

— Хан-сан, куда мы хоть едем? — взмолилась я.

— Просто Хан, — усмехнулся мужчина. — Скоро приедем.

Подобные ответы начали раздражать, но сделать я ничего не могла. Зато, когда машина свернула на одну из знакомых улиц, смогла определить, что мы подъехали к дому Ами.

— Но откуда ты знаешь, где я живу? — ахнула я.

Мне снова ничего не ответили, а через несколько секунд машина затормозила. Я не знала, что мне делать. Хотелось выпрыгнуть на улицу и бежать сломя голову, но какой в этом смысл? Понятно одно: этот мужчина не только знает, где я остановилась, но и, скорее всего, следил за мной. Иначе каким образом он мог оказаться на том пустыре? Очевидно, дергаться не стоит. При желании он найдет меня. Ами нет, я совсем одна, а Акио... Неожиданно поняла, что не знаю номера его телефона. Так что я продолжала сидеть и ждать, что произойдет дальше.

— Где медальон? — спросил Хан, повернувшись ко мне.

— Какой?

Мужчина наградил меня таким взглядом, что я снова поежилась, зато сразу поняла, о чем он говорит. Ладонь машинально коснулась груди, где и висело украшение, и этот жест не остался незамеченным. Хан протянул руку, небрежно отвел в сторону ткань, но, когда прикоснулся к медальону, отдернул пальцы и удивленно посмотрел на меня.

— Гайдзин!^[13] — не сказал, а почти выплюнул он.

О, это слово я хорошо знала! Чужачка. Хотя не так давно оно было и ругательством, что-то вроде варвара. И все равно стало обидно. Так обидно, что ушло странное чувство от прикосновения мужчины. Уже второй раз в этом городе у меня появились отличные от ранее испытываемых мной чувства в отношении мужчины. Первый был с Акио, когда его пальцы нежно погладили мои в ресторане. Что-то изменилось: проснулись мечтательность и романтичность, хотелось как можно дольше продлить этот миг. А Хан... от его в некоторой степени презрительного жеста у меня и вовсе все внутри оборвалось. Поймав себя на мысли, что хочется накрыть его пальцы и прижать их к груди еще плотнее, я буквально взбесилась. После того как он хамил мне на протяжении всего времени нашего общения, думаю о том, чтобы он ко мне прикоснулся? Нет, я дура!

Не имело значения, что не так с медальоном Ами, и даже бакэмоно, о котором я вспомнила только то, что это призрак, отошел на второй план. В самом деле, между оскорблением от живого, пусть и хама, и попыткой нападения потусторонней сущности, от которой меня этот наглец и спас, разница была. Во втором случае мне нечего было противопоставить, а вот одного конкретного грубияна я могла поставить на место.

— Как мило! — скривилась я. — Прекрасный образец истинного мужского поступка. Сначала выкинуть из машины и после этого ни разу не поинтересоваться, как я себя чувствую. Это же такая ерунда! Потом еще и нахамить. А ты, оказывается, расист? В принципе, ожидаемо.

— Я тебе жизнь спас, — заметил он.

— Ждешь от меня благодарностей? — съязвила я.

— Было бы неплохо.

— Жди, — широко улыбнулась я. — Как только научишься нормально общаться, я обязательно тебе их выскажу.

Больше находиться с этим хамом наедине не было никаких сил. Я буквально кипела от бешенства. Чтобы не опуститься до уровня мужчины, мне следовало как можно скорее покинуть машину. Что и сделала, с удовольствием громко хлопнув дверью напоследок. Представляя, какая гримаса сейчас на лице Хана, поковыляла в подъезд. Несколько раз

оглянулась, чтобы удостовериться, что за мной никто не идет, достала ключ, открыла квартиру, не выдержала и громко выругалась.

Стоя на пороге и разглядывая погром в квартире, я пыталась понять, последняя ли это гадость на сегодня? Или нет? И меня ждет более «феерическое» завершение дня.

Жилище Ами, такое чистое, аккуратное, со вкусом обставленное, превратилось в нечто страшное. Не знаю, кто и что здесь искал, но все было перевернуто вверх дном. А мебель? Подушки вспороты, все шкафы с открытыми дверцами, ящики валяются на полу, а некоторые и вовсе разломаны. Шторы сдернуты, порванные книги ворохом рассыпаны по всевозможным поверхностям, а симпатичные бонсай, которыми я так любовалась еще с утра, сброшены грубою рукой с подоконников.

— Черт! — громко воскликнула я, когда неловко коснулась разбитой ногой дверного косяка. — И он меня еще обзывает! — буркнула я, немного справившись со стрессом, но продолжая морщиться от боли. — Не думаю, что сюда приехала толпа русских и устроила погром. Сами они варвары.

Договорить я не успела, почувствовав движение рядом. В следующее мгновение меня вновь схватили за руку и дернули в сторону. Не успев толком понять, что происходит, я оказалась за спиной Хана. Чтобы удержаться на ногах и при этом не хвататься за мужчину, отшатнулась и снова умудрилась удариться, на этот раз плечом.

— Гад! — не выдержала и буркнула я.

По закону подлости меня слышали. Хан медленно повернулся и уставился на меня. Мне же привычно захотелось оказаться дальше от него, но ярость требовала выхода.

— А аккуратнее никак нельзя? — зло спросила я.

— Ты кричала, — заявил он.

— Нет.

Мужчина схватил меня за руку и затащил в квартиру. Я и ойкнуть не успела, как дверь закрылась. Хан отпустил меня, отошел на пару шагов и сложил руки на груди, хмуро посмотрел.

— Что еще не так?

Мне ответили... по-японски. А когда я недовольно скривилась, мужчина наконец-то снова соизволил перейти на русский:

— Кому ты сказала, что везешь медальон?

— А что с ним не так? — поинтересовалась я.

— Ами ничего не сказала? — немного помолчав, уже спокойнее спросил он.

— Аллилуйя, — съязвила я. — Можешь ведь думать, когда захочешь.

— Не шути со мной...

— Даже не пыталась.

Мы оба замолчали, лишь смотрели друг на друга. Я еле удерживала рвущиеся с губ очередные язвительные замечания. Почему Хан так вел себя? Кто его знает? Он вообще на редкость странный мужчина. Но по непонятной причине я ждала его следующего шага. И он не заставил себя ждать.

— Зачем ты приехала в Токио?

— В гости к подруге. Ты разве не знаешь? — не удержалась я от подколки. — Судя по всему, с Ами ты знаком, за мной следишь чуть ли не с момента прилета, раз я видела тебя в поезде, потом ты нашел меня на окраине города, а сейчас привез точно в правильное место.

Наверное, это мне надо спросить, кто ты такой и что тебе от меня надо? Хотя ответа не жду, помня о твоей «поразительной тактичности и многословности». Знаешь, я всегда думала, что японцы — исключительно доброжелательные и уважительные люди. Ами и ее семья всегда вели себя так. Те, с кем я успела познакомиться за день, также показали себя с наилучшей стороны, а вот ты...

— Кто же?

— Мерзавец, — выпалила я и прикусила губу.

Что-то тирада потребовала больше сил, чем я думала.

— Ами и моя подруга, — вдруг сообщил он. — Она попросила забрать у тебя медальон и проследить, чтобы ничего не случилось.

— Странно, — протянула я, машинально зажав кулон в кулаке. — Я разговаривала с ней, но она ни слова не сказала, что пришлет своего приятеля. Может, я чего-то не знаю? Кстати, повторяю вопрос: что не так с медальоном?

— Это антикварная вещь огромной стоимости. Есть люди, которые не остановятся ни перед чем, чтобы получить ее. Как ты видишь, они добрались и до квартиры, — сказал Хан и протянул руку. — Пойдем, я устрою тебя в гостинице. Когда Ами вернется, вы отправитесь в Киото и дальше, как собирались. А чтобы не потерять кулон, отдай его мне.

— Врет! — неожиданно услышала я и растерянно оглянулась, пытаясь понять, что это. На Хана не подумала, потому что голос был довольно тонкий, и доносился откуда-то... издалека.

— Согласна? — Хан посмотрел на меня и улыбнулся.

От подобной улыбки хотелось и самой ответить тем же. Она была такой искренней, открытой, что я затаила дыхание, откровенно любуясь мужским лицом, которое в одно мгновение стало невероятно привлекательным. Взгляд не хотелось отводить. Кто я такая, чтобы хоть раз в жизни не уступить столь мимолетному желанию?

— Ну вот, поплыла, — вновь прозвучал недовольный тонкий голос. — Эй, лапуля, приди в себя!

Я нервно помотала головой и нахмурилась. Наверное, я умудрилась удариться головой и подсознание озвучивает то, о чем я думаю. Хотя странно все проявляется. Но с этим я разберусь позже, а сейчас надо прийти в норму и перестать вести себя глупо. Вновь взглянув на Хана, отметила удивление на его лице, резко отпустила медальон и отшатнулась назад, прислонившись к стене.

— Что-то не так?

— Откуда я могу знать, что Ами попросила отдать украшение именно тебе? — выпалила я. — Сделаем так. Сейчас я позвоню ей, и если она подтвердит твои слова, то никаких проблем. В ином случае вынуждена буду отказать.

Сказала и еле удержалась от потребности зажмуриться, настолько Хан подавлял и физически, и морально, продолжая упрямо смотреть мужчине в глаза. Наверное, именно поэтому смогла уловить изменение эмоций на его лице. Сначала промелькнули злость и раздражение, затем усталость, но я все равно не ожидала услышать:

— Это невозможно. Ами не выходит на связь.

— Что?! Мы разговаривали с ней, когда она садилась на поезд. Кажется...

— Она не доехала до пункта назначения.

— И куда она тогда делась? — нахмурилась я.

Беспокойство за судьбу подруги сводило с ума. Решительно сняв рюкзак, я достала

телефон и обнаружила, что... у меня больше нет телефона. Видимо, мои полеты на твердые поверхности принесли свои плоды, а обещания фирмы-производителя об ударопрочности гаджета — не более чем слова. При дальнейшем изучении обнаружилось, что и планшет постигла та же судьба. Продемонстрировав Хану сломанную технику, я вопросительно приподняла бровь.

— Что не так? — поинтересовался он.

— Еще пару часов назад все работало, — намекнула я.

— Осторожнее надо быть.

— Да они из-за тебя разбиты! — повысила я голос.

— Не согласен.

На это ответить было нечего. Несколько глубоких вдохов помогли избавиться от злости, если можно так назвать состояние бешенства, в котором я находилась. Чтобы заставить себя думать о другом...

— Дай мне телефон, — потребовала я.

Хан вытащил его, с усмешкой протянул мне, всем своим видом говоря, что он думает обо мне, но я не стала обращать на это внимание. Набрала номер, послушала что-то на японском, нахмурилась, залезла в рюкзак за записной книжкой и еще раз набрала номер. Вдруг перепутала? Но нет, мне отвечали то же самое.

— Абонент недоступен, — пояснил мужчина. — Этот ответ я слышу со вчерашней ночи.

Я вернула телефон Хану и вздохнула. Судя по всему, не врет и сам не может связаться с Ами. Это в том случае, если он не солгал, что вообще знает мою подругу.

— Где она может быть?

— Найду, узнаю.

Какой замечательный лаконичный ответ, от которого хотелось зарычать!

— Но...

— Я повторю свое предложение. Мы едем в гостиницу, и я отвечу на некоторые твои вопросы, или остаешься здесь, но тогда на мою помощь больше не рассчитывай.

Дилемма. Отправиться с посторонним мужчиной непонятно куда или оставаться на месте? На самом деле, посреди разгромленной квартиры, выбора особого не оставалось. Смущало только отношение ко мне этого грубияна. Если бы на его месте был Акио, я не раздумывала бы ни секунды! С другой стороны, несмотря на грубые выходки Хана, от таксиста именно он меня спас. И не важно, кто это был, бакэмоно или нет. Наверное, все же он, потому что в памяти всплыла картинка, каким образом Хан от него избавился.

Я удивлялась сама себе, но, оказавшись в Японии, словно заново слушала Ами, рассказывающую мне свои сказки.

— Ты ведь сказал, это был бакэмоно? — уточнила я, и Хан кивнул:

— Именно.

Несмотря на то что была не просто свидетелем недавних событий, а их непосредственным участником, поверить в нападение на меня призрака я так и не могла. Хотя, если принять этот факт, может, мне станет проще? С другой стороны, я верила в домовых, привидения и прочую нечисть моей родины, и это казалось естественным. Мало того, я несколько раз получала подтверждение существованию потустороннего. Так что оставалось просто поверить и в этих!

— Зачем ему я? — простонала я, чувствуя, как начинает болеть голова.

Хан приблизился, оперся одной рукой о стену, сохраняя между нами дистанцию, а

второй указал на медальон.

— Еще вопросы есть?

— Нет, — мрачно сообщила я. — Все предельно понятно.

Так, понимаю, мне снова намекнули, что на меня напали для того, чтобы заполучить украшение. Ладно, примем и этот факт!

— Радует. Медальон, — напомнил он и протянул руку.

— Ну-ну, — снова услышала я писк, на этот раз какой-то веселый и немного истеричный. — Посмотрим, как у него это выйдет.

— Возьми... — прищурилась я.

Не знаю, зачем я это сказала. Мне было непонятно, почему он не сорвал украшение с меня? Чтобы понять это, я и устроила эту, по всем показателям, чистой воды провокацию. Что стоило прислушаться к внутреннему голосу, не расстегивать цепочку и не отдать медальон? Ничего. Да, Ами мне ничего такого не говорила, а я так и не верила мужчине.

— Не может, — услышала я и чертыхнулась. Внезапно активизировавшийся внутренний голос меня начал доставать! Но он подтвердил мои мысли, а значит, предположение было верным. Если сможет, пусть берет сам. Я мешать не буду. А если нет... Одно было понятно. Медальон — крайне ценная вещичка!

— Так забираешь или нет? — с вызовом спросила я.

Хан усмехнулся, а у меня задрожали колени. От ухмылки по спине пробежал холодок, а кровь стала горячее. Я кожей ощутила облако того невероятного магнетизма, которое почувствовала при самой первой встрече. А когда его пальцы коснулись шеи, и вовсе вздрогнула. Внутри меня бушевала буря, а вот Хан... его лицо превратилось в непроницаемую маску, но эта невозмутимость волновала еще сильнее. Я прикрыла веки, а вновь посмотрев на мужчину, и вовсе замерла. Освещение сыграло со мной плохую шутку. За спиной у Хана я отчетливо увидела очертания животного. Нервно выдохнув и быстро заморгав глазами, я добилась, чтобы наваждение исчезло, вот только обоняние уловило запах. Мужской запах! Мужчине с таким запахом захотелось моментально сдаться без всяких условий.

Но приняхивалась я не одна. Хан занимался тем же самым. Его пальцы перебирали пряди волос, не поднося их напрямую к лицу, но было видно, что он вдыхал мой запах. Не знаю, сколько прошло времени, когда я поняла: мы слишком много времени стоим напротив и глазеем друг на друга.

— Берешь или нет? — прошептала я.

— Беру, — усмехнулся он и закончил с какой-то мрачной решимостью: — Но всему свое время.

— Что?

— У тебя две минуты, чтобы собрать вещи, — обронил он, посмотрел в окно, откуда донесся собачий вой, и поморщился.

И было нечто такое в его позе и тоне, что спорить я и не подумала. Как и говорить о потерянном чемодане. Найдя сумку, я вытащила из сушилки свою одежду и запихнула в нее, как и кроссовки. Все вещи Ами были разбросаны, так что пожить было особо нечем. Но мне удалось найти еще одну юбку, несколько новых футболок, нераспакованные гольфы и пару носков.

— Время, — поторопил меня Хан, когда я засовывала все в сумку.

— Иду, — буркнула я и поспешила за ним.

Конечно, безумно хотелось принять душ и переодеться, но сделать это не здесь. Вандалы, разгромившие квартиру, превратили ее в место, которое хочется покинуть как можно скорее. Вздохнув, я все равно закрыла квартиру на ключ.

* * *

Разговаривать не хотелось. Моему спутнику, видимо, тоже. Я смотрела в окно на горящий неоновыми огнями Токио и совершенно не интересовалась, куда меня везут. Накатила апатия. Я постоянно думала о подруге и о том, куда она могла исчезнуть, вспоминала погром в ее квартире и нападение уже на меня лично. Падение оказалось неудачным, колено болело, чуть меньше плечо. На себя смотреть и вовсе не хотелось. Я прекрасно понимала, что выгляжу, как нищенка, что еще сильнее подчеркивала машина Хана, да и он сам. Про свои гаджеты я старалась не думать, осознавая, что меня ждут новые расходы.

Я успела уже сто раз пожалеть, что приехала в Токио. Единственным светлым пятном в моем пребывании здесь стала встреча с Акио. Теперь надежда на новое свидание развеялась как дым. Я не только уехала из квартиры Ами, но и вспомнила, что у меня нет его номера, а у него моего, и сообщить об изменении моего места пребывания нет никакой возможности.

Я тихо вздохнула, вытащила из-за ворота медальон и посмотрела на него. Что же в нем такого? Являлся ли он причиной, по которой на меня напали, как говорил Хан? Может, и пропажа Ами с ним связана? Увы, если мой хмурый, хамоватый и немногословный спутник не расщедрит на объяснения, мне так и придется пребывать в неведении.

Мы давно выехали из центра, проехали по красивейшему мосту, долго маневрировали по улицам, пока не остановились у неприметного двухэтажного здания.

— Гостиница, — сообщил Хан в ответ на мой вопросительный взгляд.

Я вздохнула, поправила рюкзак и вылезла из машины, понимая, что галантности от мужчины ждать не приходится. Так оно и вышло. Хан подождал, пока я вылезу, закрыл машину и пошел вперед. Судя по всему, подразумевалось, что я последую за ним, как послушная собачка. Мне ничего другого и не оставалось. И это бесило до умопомрачения. Спрашивается, почему нельзя разговаривать нормальным тоном? Хотя этот вопрос, наверное, останется без ответа...

Пока мужчина оформлял номер, я стояла в стороне. Мыслей не осталось. Точнее, они были, но какие-то неправильные. Вместо того чтобы озаботиться своей дальнейшей судьбой, я вспоминала Акио, его обходительность, эрудированность и привлекательность. И невольно сравнивала его с Ханом. Несмотря на все произошедшее, в голову закрадывались предательские мысли, что если бы он не вел себя как последний козел, то победил бы в этом негласном соревновании. Были в нем необъяснимые сила, властность и мощь, что буквально сбивало с ног. Про магнетизм не говорю, я отметила его, когда он сидел метрах в пяти от меня, и одного отражения в зеркале хватило, чтобы выбить меня из колеи. Но хамов я никогда не любила, при возможности старалась ставить их на место или просто-напросто избегать с ними общения. «Плохие мальчики», конечно, весьма будоражат кровь и интригуют, но, чтобы «жить на вулкане», который того и гляди рванет, надо обладать соответствующим характером. Мне же были близки спокойствие и тактичность, пусть и без безумной эмоциональности.

— Пошли.

Приказной тон не оставлял места для маневров. Подхватив сумку, я уныло побрела за Ханом. Когда он открыл замок и мы прошли в номер, только тогда я остановилась на пороге как вкопанная. Комната была небольшой, кровать низкой и не сильно широкой, а единственная дверь вела скорее в ванную, а не во вторую спальню. По всему выходило, что спать нам придется... вместе? Я на такое не соглашалась!

— Но...

Возмутиться я не успела, потому что Хан прошелся по номеру, заглянул в соседнюю комнату, а потом вернулся ко мне и остановился так близко, что я почувствовала тепло его кожи.

— Все необходимое здесь есть. Если что понадобится, я в соседнем номере, — буркнул он.

— Хорошо, — с облегчением выдохнула я, радуясь тому, что останусь одна. — А когда ты мне ответишь на вопросы?

Хан промолчал, смерил меня взглядом, в какой-то момент задумчиво прикоснулся к волосам, пропустив светлую прядь между пальцами.

— Завтра, — процедил он, развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Некоторое время я стояла и смотрела ему вслед. Без него комната показалась больше, но пустой. Необычное чувство...

* * *

Из ванной комнаты я вышла хмурая и несчастная. Несмотря на освежающий душ, вода разбредила ссадины на ноге, и, когда я полюбовалась на себя в зеркало, обнаружила, что на плече начинает расцветать синяк. Пока незаметный, но в ближайшие дни он станет всех цветов радуги. Проклятье светлой и тонкой кожи. Ее приходилось не только скрывать от солнца, но и стараться не налетать на твердые предметы. Увы, мой спутник явно не думал об этом.

Запахнув на груди халат, я села на кровать, оголила ноги и достала из сумки антибактериальные салфетки и пластырь. Аптеку я здесь вряд ли найду, но, чтобы не хромать завтра, надо хоть немного прочистить рану и прикрыть ее, а завтра попросить Хана показать, где можно купить необходимые медикаменты.

Дверь открылась без стука, как раз в тот момент, когда я с шипением закончила с обработкой.

— Какого...? — начала я, когда увидела, что в комнате сразу стало меньше места, невольно стянула полы халата на груди и прикрыла ноги, почувствовав себя увереннее.

— Что-то случилось?

— Я заметил... Твоя нога...

Я удивленно уставилась на мужчину. Взгляд Хана стал хищным, акцент усилился настолько, что я не поняла окончания фразы. В руке он держал нечто похожее на аптечку. Порадовавшись такому проявлению заботы, улыбнулась, подошла к нему и забрала медикаменты.

— Что здесь что? — спросила я, рассматривая пакетики. С бинтом и пластырем вопросов не возникло.

— Антисептик, — мрачно пояснил Хан, видимо, придя в себя. — Мазь от ушибов. Перевязка.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, села обратно на кровать и распечатала медикаменты, закономерно решив, что мужчина уйдет. Но, когда посмотрела в его сторону вновь, оказалось, что он продолжает стоять и сверлить меня взглядом.

— Что еще? — весьма невежливо буркнула я.

— Я помогу тебе, — заявил Хан, подошел ко мне и забрал у меня из рук салфетки.

— Сама справлюсь.

— Я сказал, что помогу, — сообщил мужчина, и снова мне нечем было возразить на такой тон, лишь послушно отдать все остальное.

Он присел на корточки, небрежно откинул в сторону полу халата и внимательно осмотрел ссадину. Несмотря на то что она саднила, тянула и горела огнем, ничего страшного не было. Несколько дней, и все придет в норму, оставив после себя следы, которые постепенно сойдут на нет.

Я резко выдохнула, когда крепкие пальцы первый раз коснулись колена, подавила предательское желание сбежать и постаралась расслабиться. Увы, у меня ничего не вышло. Скорее наоборот, через пару минут я напоминала себе оголенный провод. Дыхание участилось, сердце колотилось, а разум затуманился. Я пристально следила за тем, как грубые руки, которые и были виноваты в моем состоянии, осторожно промокают ранки антисептиком, а затем наносят мазь и заклеивают это все пластырем. К тому моменту, как Хан закончил, меня всю трясло.

— Плечо.

— Что? — рассеянно переспросила я.

— Плечо оголи, — грубо распорядился он.

— Сама... — нервно сглотнув, жалобно попросила я, на мгновение представив, что для этого мне придется частично раздеться.

— Я непонятно сказал?

— Вполне отчетливо.

Отвернувшись в сторону, я постаралась оголить плечо так, чтобы остальное осталось прикрытым, а когда мне это удалось, села боком и отвернулась в сторону. Чувствовала я себя ужасно. В один момент ощутила себя настолько маленькой и слабой, как никогда в жизни. Хан находился где-то позади и еще не успел меня тронуть, но я кожей чувствовала его взгляд, и это заставляло нервничать еще сильнее. А когда он все же прикоснулся ко мне, я малодушно зажмурилась.

Новая процедура заняла примерно столько же времени. Сильные пальцы сначала ощупали плечо, надавили на какие-то точки, отчего боль сразу ушла, затем Хан открыл тюбик с мазью и намазал кожу. Все ощущения стали еще ярче, а тяжелое дыхание вовсе не согревало кожу. Наоборот, она вся покрылась мурашками и стала такой чувствительной, как никогда в жизни.

— Не закрывай десять минут, — приказал он, когда закончил.

Я кивнула, открыла глаза, повернула голову и робко посмотрела на него. Хан поднялся с кровати, закрыл туб с мазью и бросил его на кровать, рядом со мной.

— Выпись. Завтра рано вставать.

— Куда? — опешила я.

— Скажу.

Хан вновь покинул комнату, хлопнув дверью, отчего я вздрогнула и только сейчас сообразила, что все время мы просидели молча. Вместо того чтобы расспросить обо всем произошедшем, я плыла от его присутствия и не могла думать больше ни о чем другом. С другой стороны, сама того не заметив, я приняла решение держаться с Ханом рядом. По крайней мере, до тех пор, пока я не получу ответы на свои вопросы.

— Дура. — Определилась с самоназванием, честно просидела десять минут, ожидая, пока впитается крем, а потом упала на кровать и закрыла глаза.

* * *

Выспаться у меня не получилось, а пожелания Хана показались издевательством. Я лежала на кровати полностью одетая, когда дверь в номер снова открылась. Без стука... И почему я не удивилась? Мужчина заполнил своей аурой все пространство, но я лишь повернула голову в его сторону и смерила японца взглядом. Подметив, что он тоже не выглядит отдохнувшим, я позлорадствовала. Так тебе! Не все мне одной мучиться!

К тому же если припомнить ту круговерть кошмаров, что овладевала мною, стоило ненадолго задремать. За сегодняшнюю ночь подсознание припомнило некоторые сказки, что мне рассказывали Ами и бабушка Аки. Наверное, это было символично, учитывая местонахождение, а после происшествия с бакэмоно вполне ожидаемо. Всю ночь я бегала то от одного, то от другого порождения больного воображения местных жителей, которыми они не поленились населить мифы и легенды, спасалась, кричала, падала и поднималась. Чем все закончилось? Понятия не имею. В надежде сохранить психику я приняла ледяной душ и до самого утра тупо переключала каналы, выключив телевизор буквально за полчаса перед появлением Хана.

— Ты встала, — констатировал он. — Хорошо.

— И тебе доброе утро, — огрызнулась я. — Какие планы на сегодня?

— У меня большие планы, — усмехнулся мужчина. — Но начнем с перевязки.

— Опоздал, — радостно оскалилась я. — Я уже все сделала. Ничего не болит, я в полном порядке и готова к новым неприятностям. Не знаю почему, но я твердо уверена, что они не заставят себя ждать.

— Немногословность — достоинство женщины, — намекнул Хан.

— Японской — возможно, но я русская и горжусь этим!

На этом я посчитала наш разговор законченным и отвернулась в сторону. Несмотря на бессонную ночь, я так и не поняла, что делать дальше. И чем больше я обо всем думала, тем сильнее приходила к мнению, что необходимо дозвониться до Ами, чтобы успокоить совесть, отдать Хану этот чертов медальон, раз он так жаждет его заполучить, учитывая, что с него все началось, поменять билет на самолет и вернуться в Россию. Не знаю, что здесь происходят за разборки, но участвовать в них никакого желания не было. Предыдущий вечер показал, что это опасно для здоровья и стабильности психики. А мне без этих двух деталей придется непросто в дальнейшей, надеюсь, счастливой жизни. Что же до Акио... видимо, он останется единственным приятным воспоминанием о Стране восходящего солнца. Он и вихрь розово-белых лепестков в парке, перед которым померкли все остальные достопримечательности.

Прикрыв глаза, я положила руки под шею и глубоко вздохнула. Осталось только донести

до Хана принятое решение и вновь попробовать дозвониться до Ами.

— Дай телефон, — попросила я, не открывая глаз.

Почувствовав, как рядом со мной упал аппарат, нашла его на ощупь. Приоткрыв один глаз, набрала номер, намертво застрявший в памяти, чтобы вновь услышать женский голос, вещающий, что абонент недоступен. Последнее стало открытием, ведь еще вчера я ничего не могла разобрать из услышанной тарабарщины. От удивления я села на кровати и посмотрела на телефон. Медленно нажала отбой и отбросила аппарат на кровать.

Перевела взгляд на Хана, который продолжал стоять рядом с кроватью, злой и недовольный, и нахмурилась сама.

— Что-то не так?

Вместо ответа мужчина сел на кровать, быстро пробежал пальцами по моему колену, заставив в какой-то момент ойкнуть, довольно грубо развернул меня, обследовал плечо и только потом встал с кровати. Пока я пыталась восстановить дыхание и сообразить, что это сейчас было, слышала:

— В твоей сумке были джинсы. Надень их. И кроссовки. Юбка не лучший выбор. Думаю, сегодня мы решим проблему и с Ами, и с медальоном.

— Слушаюсь, мой господин, — скривилась я, порадовавшись, что сегодня все закончится и я вернусь домой.

— У тебя две минуты, — сообщил Хан.

— Это твой любимый интервал времени? — зло крикнула я, но дверь к тому моменту уже закрылась. Я оглядела себя и наряд. Я специально надела юбку, чтобы не сильно травмировать колено, но, видимо, подобный вид оскорбляет взыскательный вкус японца. Ладно, это не тот повод, чтобы ругаться. Уверена, причин за сегодняшний день появится масса. Я не гордая, да и в джинсах удобнее будет.

* * *

Да, я злилась. На себя. На то, что послушно выполняла все требования Хана и вела себя как... японка. Впрочем, если судить по поведению шовиниста в черной куртке, сидящего напротив меня, то его это более чем устраивало. Не обращая на меня никакого внимания, он наслаждался чаем, тостами с тофу, в то время как я пила крепкий кофе и пыталась запихнуть в себя то, что Хан охарактеризовал как традиционный японский завтрак. От сырого яйца я отказалась, как и от риса, хотя поковыряла маринованные овощи и рыбу, а погоняв ложкой мисо-суп, решительно отставила его в сторону.

— Хочешь? — Мне протянули тост.

Отказываться не стала, взяла и даже сказала «спасибо», но съесть не смогла, чем вызвала очередную недовольную гримасу Хана.

— Прости, — пожала я плечами. — Я живу по московскому времени. В это время обычно не ем.

Мои объяснения вроде сбавили градус накала мужского недовольства, и завтрак продолжился довольно мирно.

— Вот это блондиночка, — слышала я восхищенный мужской голос. — Какие волосы, а кожа, словно цветки сакуры. Заметь, и это я не говорю про фигурку. Хан, дружище, где такие водятся? Подгони и мне парочку. Слушай, надо ее только переодеть. Кошунство

скрывать такие ножки штанами...

Я обернулась, наткнулась на восхищенный взгляд незнакомого японца, который быстрым шагом шел к нашему столику и не переставал говорить.

— Заткнись, Тоши, — осадил того Хан. — Не хватало, чтобы она поняла тебя.

— Разве она еще и говорит по-японски? Все, я влюблен! — Перед тем как плюхнуться на диван рядом с Ханом, некто Тоши мечтательно причмокнул и поклонился.

Невольно выпрямившись и постаравшись отодвинуться подальше от столь ярко выраженной «симпатии», я осмотрела «гостя». С возрастом определиться было сложно, около двадцати пяти на первый взгляд. Ростом ниже Хана, черные волосы неровно подстрижены, густая челка скрывала лоб, а очки украшали нос. Одежда была смешной и не совсем подходящей по возрасту. Он напоминал мне смесь школьника и сисадмина...

— Тошиюки, заткнись! — Хан повысил голос, и мужчина замолчал. — Нет, она не говорит по-японски, что меня очень радует. Русский и английский.

— А я не знаю русский. Что мне делать? Хан, какой же ты счастливчик. Знаешь, где девочек искать. Что мне делать? Слушай, сделай мне несколько фотографий, повешу над кроватью и буду мечтать долгими одинокими вечерами.

— Ты замолчишь или нет? — устало уточнил у него Хан.

А я не понимала, что происходит и к чему эти все вопросы. Да, я не говорю по-японски, но разве сейчас они говорят на нем? Неожиданно я перестала их понимать, слыша только японскую речь. Помотала головой, пытаюсь вернуть то, что было, но ничего не изменилось. Оставалось только злиться, потому как мужчины быстро о чем-то переговаривались и совсем не обращали на меня внимания. Я чувствовала, что пропускаю нечто очень важное, но, увы, больше не понимала ни слова. Ладно, пора напомнить о себе.

— Я вам не мешаю? — приторным голосом уточнила я.

— Меня зовут Оути Тошиюки. Можно просто Тоши, — представился второй по-английски, поклонившись. — А как ваше имя?

— Мира-сан, — буркнул Хан.

— Очень приятно познакомиться, — улыбнулась я, ответила поклоном, но руку через стол протянула неуверенно, не зная, уместно ли это, хотя и не удержавшись от победного взгляда в сторону Хана.

— А как мне-то приятно, — радостно провозгласил Тоши, осторожно взяв мою ладонь и нежно поцеловав пальцы.

— Тошиюки... — дальше Хан что-то вновь рявкнул по-японски.

Мою руку тотчас отпустили, но мне стало приятно от того, что Хан разозлился. Хотя я испытала недоумение. Всегда считала, что японцы абсолютно не контактная нация, а поведение Тошиюки полностью выбивалось из общепринятого. Ладно. Ответ на этот вопрос попробую получить позднее, а пока... Снова улыбнувшись новому знакомому, я мысленно окрестила его Тошиком или Тотошкой... Хотя он не походил на милого песика, было в нем что-то такое, отчего хотелось улыбаться. Нечасто можно было встретить человека, который вызывал такую симпатию и желание общаться с ним дальше.

Тошиюки пересел ко мне, придвинулся ближе и вновь сграбастал мою руку, но я не спешила ее вырывать. Наоборот, несильно пожала его пальцы в ответ.

— Мира-сан, — недовольно окликнул меня Хан.

— Слушай, ты меня позвал для решения проблемы, — напомнил ему Тоши. — Я ее

решаю, но своими методами. И перестать уже рычать и пугать нашу красавицу. — Он подмигнул мне и уточнил: — Я могу посмотреть медальон?

— Пожалуйста. — Я села так, чтобы ему было удобнее осматривать украшение, не отказав себе в желании бросить взгляд из-под ресниц на недовольного Хана.

Несколько минут Тошиюки кружил пальцами вокруг моей шеи, но самого медальона не касался. Его шепот я не понимала, но, судя по сосредоточенности на лице, он весь погрузился в изучение.

— А теперь снимай, — радостно объявил он.

— Где гарантия, что вы друзья Ами? — нахмурилась я, хотя и потянулась к застежке.

— Недоверчивая? Да? — улыбнулся он. — И это правильно. В наше время никому нельзя верить. Но я развею твои сомнения.

Тошиюки залез в сумку, достал планшет и включил его. Сначала он показал мне фотографии, где в самых разных местах была запечатлена повзрослевшая Ами. Одна, вместе с Тоши, с Ханом и кем-то еще. Я невольно улыбалась, смотря на кусочки жизни подруги, но высказала опасение, что это фотомонтаж. Тоши хмыкнул и активировал несколько видео. Несколько праздников, день рождения Ами, где мелькали не только Тоши, но и ее родители, окончательно убедили меня в том, что этот мужчина — точно ее друг. От него шло тепло, а такую радушную улыбку я редко когда встречала. Взгляд был с хитринкой, но открытый и добрый. В который раз я невольно провела параллель и посетовала, что если бы Хан... Эх, ладно, не буду о грустном.

— Красиво. — Я отдала Тоши планшет.

— Мы не знаем, где Ами, — с грустью сказал он. — Но обязательно найдем. А для этого нам нужен медальон.

Больше я не задавала вопросов, подняла руки и попыталась расстегнуть цепочку, на которой он висел. Именно что только попыталась, потому как цепочка в один миг стала единой, без следов застежки. Я извиняюще улыбнулась, обхватила медальон пальцами и рванула со всех сил, надеясь разорвать цепочку. Закончилось это тем, что я едва не придушила себя. По крайней мере, в глазах у меня потемнело основательно, я закашлялась и была вынуждена выпить одну за другой две чашки чая, услужливо поданные мне Тоши.

— Прости, не получается.

— Так я и знал, — скривился Хан.

— Приятель, помолчи, — неожиданно резко заметил Тошиюки, но, когда повернулся ко мне, его взгляд лучился теплотой. — Как давно ты его носишь?

— Два дня, плюс-минус несколько часов.

— Вот и ответ, — задумчиво обронил Тоши. — Здесь я ничего сделать не смогу, придется ехать ко мне.

— Ладно, пусть так. — Хан поднялся, заплатил по счету и приподнял бровь, выжидательно смотря на меня. Тоши тоже встал.

— Что такое? — вновь поинтересовалась я, хотя прекрасно понимала: мне намекают, что пора двигаться дальше.

— Поехали.

— Куда? — продолжала глумиться я, наслаждаясь злостью в черных глазах.

— В Камакуру,^[14] — скрипнул зубами Хан, явно в одном шаге от бешенства.

— Что это?

— Город поблизости.

— Он не значится в моем маршруте.

Да, можно и понаглеть немного, отыгрываясь за уязвленное самолюбие. Одно понятно, с медальоном на шее меня никто никуда непустит, а его ценность и правда велика. Учитывая, что я хочу домой, а осуществить это смогу только когда распрощаюсь с украшением, то можно и прокатиться до нужного места. А что касается Ами... Судя по всему, она в надежных руках. У нее есть друзья, которые не оставят подругу в беде. Тем более я злилась на подругу. Мне еще вчера вечером пришла в голову мысль, что приглашение в Японию означало лишь доставку этого чертова медальона...

— Мира-сан, я приглашаю вас к себе в гости. Камакура — город, где я родился, — влез в наш обмен любезностями с Ханом Тоши. — И я буду счастлив, если вы окажете мне честь и посетите мой дом. Культурную программу обещаю, — с улыбкой добавил он.

— Не могу отказать, Тошиюки-сан, это честь для меня. Спасибо. — Я поднялась с дивана, забрала рюкзак и направилась к выходу.

Я даже предположить не могла, что сразу из кафе, где так и не позавтракала, мы отправимся в Камакуру. С другой стороны, а чего тянуть? Чем быстрее, тем лучше. Не могу отрицать тот факт, что невозможность снять медальон с шеи заставила меня нервничать. Хотя с тех пор, как я познакомилась с Тоши, воспринимала происходящее я намного спокойнее.

Перед тем как отправиться в дорогу, мы заехали к нему домой. Точнее, мы с Ханом ждали в машине, пока парень поднимется к себе в квартиру и возьмет вещи. Ждать пришлось долго, но за эти сорок минут мы все равно не сказали друг другу ни слова. Хан еще утром сообщил, что считает немногословность добродетелью, я была на него зла за шовинистические высказывания и, если уж быть до конца откровенной, не могла разобраться со своим отношением к нему. Так что лучше находиться на расстоянии, не вступать в полемику, чтобы не сорваться и не наговорить новых гадостей.

— А вот и я! — Тоши открыл дверь и радостно сел рядом со мной на заднее сиденье.

— Тошиюки!

— Хан, приятель, прости, но, выбирая между твоей недовольной физиономией и лицом прекрасного ангела, я не буду задумываться ни на мгновение, кого предпочесть. Тем более, я уверен, Мире-сан приятна моя компания. Я не ошибаюсь? — он посмотрел на меня.

— Нет.

— Вы делаете меня счастливым. Но я окажусь словно в раю, если вы будете называть меня Тоши и позволите обращаться к вам как к дорогому другу.

— Только за, и можно без обязательных уточнений. Просто Мира...

— Я в раю...

Улыбнулась Тоши, стараясь не обращать внимания, что машина излишне резко тронулась с места, а в один поворот вошла настолько стремительно, что я не выдержала и завалилась на соседа.

— Продолжай в том же духе, приятель, — усмехнулся он, явно для Хана. — Я с радостью буду спасать Миру, ловя ее в свои объятия на каждом таком выраже.

Я хмыкнула, но излишне нахальную конечность со своего колена сбросила.

— Неудачно вчера упала, — пояснила я на обиженный взгляд с хитринкой.

— Что болит? — деловито поинтересовался Тоши.

— Плечо и колено, — не стала скрывать я.

— Тебе повезло, — заявил он. — Я очень хороший массажист. Полчаса в моих руках, и ты забудешь обо всем...

Машина резко затормозила, Тоши вновь поймал меня, а спустя несколько секунд дверь открылась, Хан вытащил меня наружу и практически впихнул на сиденье рядом с водителем. Пристегнул ремнем безопасности и вернулся на свое место. Все произошло так стремительно, что только когда машина тронулась, я обратила внимание: Хан умудрился все это проделать, пока мы стояли на светофоре.

— И что это было? — хмуро спросила я.

— Вы отвлекаете меня от дороги своей болтовней.

Позади меня послышался смех. Я обернулась, притворно вздохнула и пожала плечами.

— Сядь ровно.

— Слушаюсь и повинуюсь, — огрызнулась я, но настроение было безвозвратно испорчено.

Естественно, разговаривать с Ханом я не собиралась, да и о чем? Так что привычно уже отвернулась к окну, рассматривая пейзажи, проносящиеся за окном. Тоши тоже затих, к тому же, чтобы говорить с ним, мне пришлось бы постоянно оборачиваться, а плечо давало о себе знать.

* * *

Вот чего у Хана было не отнять, так это прекрасные водительские качества. Уверенный, спокойный стиль, когда машина идет так, что не хочется окончания поездки. Не прошло и часа, как мы подъехали к Камакуре. Хан снизил скорость, а я оживилась, рассматривая пейзаж за окном. Причем не столько город, сколько место, в котором он расположился. Дорога шла частью вдоль побережья, так что я успела полюбоваться и морем, и горами. Сам город оказался не очень большим, но чистым, аккуратным и красивым. Очень хотелось выйти из машины, пройтись и подробно рассмотреть все храмы, мимо которых мы проезжали, но помалкивала, чтобы не получить в ответ очередное замечание.

— Сядь, — вновь услышала я недовольный голос.

Нет, у мужика явно проблемы! Он вообще умеет радоваться жизни? Понимает, среди какой красоты живет? Вот Акио бы обязательно разделил мой восторг, устроил экскурсию, рассказал множество интересных историй. Мысли о Датэ пришли в голову некстати, испортив настроение. Хотя зачем врать? Настроение мне усиленно портил Хан своими комментариями и окриками!

— Я покажу тебе город, — сказал Тоши, я грустно и благодарно ему улыбнулась, но ничего не сказала, лишь скрестила руки на груди.

Мы еще какое-то время блуждали по улочкам, пока не остановились у небольшого здания. Над ним располагалась вывеска на японском, но на мой вопросительный взгляд отреагировал Тошиюки, как и следовало ожидать.

— Здесь я живу, — радостно оповестил он. — И живу и работаю. Ты моя самая дорогая гостя и получишь все, что только пожелаешь.

— А если она захочет того, чего у тебя нет? — насмешливо поинтересовался Хан.

— Для такой красотки я луну с неба достану. — Тошиюки подмигнул мне и вышел из машины.

Не успела я опомниться, как моя дверь открылась, и Тошик предложил мне руку, помогая выйти.

— Знаешь, ты второй японец, от общения с которым я в полном восторге, — призналась я. — Жаль, что не все такие. — И да, я не скрывала, что это шпилька в адрес Хана.

— Второй?! — Потрясение в голосе Тоши было таким искренним, что я нервно прикусила губу, решив, что обидела его. — Кто этот негодяй, который забирает себе мои лавры? Точно не этот мрачный тип, который сверлит нас взглядом.

— Не важно, — улыбнулась я, понимая, что это была шутка. — Не думаю, что когда-нибудь с ним еще увижусь. Так что, если брать за отсчет сегодняшний день, ты — первый и единственный.

— Учись, приятель, — хохотнул Тошиюки. — Девушка всегда выбирает веселый нрав и

доброе отношение, какие бы мускулы ты себе ни накачал. — Тоши снова мне подмигнул, и я с радостью поддержала его игру.

— Полностью согласна.

Он приобнял меня, но я не стала отстраняться. Так, в обнимку, мы и поднялись по ступеням, чтобы оказаться в небольшом, но очень уютном домике. Мне сразу же выдали новые тапочки, я переобулась и с интересом осмотрелась по сторонам. Квартирка Ами была современной и дышала минимализмом, здесь же царила традиционность. Низкая мебель, перегородки из рисовой бумаги, светлые стены, на специальных подставках статуэтки богов, а на стенах несколько пейзажей с неизменной Фудзи.

— Любопытно...

— Я живу один, дом принадлежит мне, и, что самое главное — холост. Меня можно считать завидным женихом. С деньгами проблем нет, так что ты получишь все, что пожелаешь.

Быстро оглянувшись и убедившись, что Хана рядом нет, я поторопилась уточнить пару моментов, стараясь не обидеть Тошиюки:

— Тошик, я очень ценю твое ко мне отношение и сама рада поддеть твоего друга, но пойми меня правильно. В Японию я ехала в гости к подруге и полюбоваться страной. Никакие отношения, скоротечные или нет, в мои планы не входили и не входят. Ты классный, и мне очень приятно с тобой общаться, но я хочу лишь избавиться от украшения на моей шее и вернуться обратно в Россию. Мое знакомство с Японией оказалось не очень приятным...

— Мира, ангел мой, а ты можешь всегда называть меня Тошиком? — мечтательно причмокнул мужчина. — Мне так нравится, словно по голове гладят. А что касается всего остального... Впусти наш мир в свое сердце, и он никогда не отпустит тебя. Ну и, конечно, я не отпущу тебя с плохими воспоминаниями. Если ты уедешь, то только с горьким сожалением, что не можешь остаться дольше.

— Тошик, — улыбнулась я. — Ты невероятный.

— Я знаю, — подмигнул мне он. — Но выполни одну маленькую просьбу. Подыграй при необходимости, как пару минут назад. Мне так нравится выводить моего приятеля из равновесия.

— Мне тоже, — шепотом призналась я. — Так что с радостью!

Когда Хан присоединился к нам, мы с Тошиюки напоминали себе двух заговорщиков. На мрачного буку в дверях, пусть и весьма привлекательного, обращать внимания не стали. Я так точно! У меня неожиданно проснулся аппетит, и я с удовольствием согласилась не только на предложение обеда, но и вызвалась помочь на кухне. На усмешку Хана обращать внимания не стала и следующий час под чутким руководством Тоши работала у него подмастерьем, стараясь не отвлекаться на хмурого мужчину, который оккупировал один из стульев и мрачно наблюдал за нами, попивая пиво.

Готовить японскую еду оказалось весьма забавно. Несмотря на непривычный нож, который оказался огромным, и мне стоило больших трудов привыкнуть к нему, я довольно быстро поняла, как и что мне делать. К рыбе Тоши меня не подпустил. Впрочем, когда он ею занялся, я бросила все и смотрела, с каким изяществом он разделявает ее. Это было искусство. Мастерство повара потрясало. Бросив искоса взгляд на Хана, я попыталась представить, как бы смотрелся огромный нож в его руках. Но как только воображение вручило ему подобие оружия, то тут же дорисовало и все остальное. Убрало современную одежду, изменило прическу, а нож превратился в меч. Только высокомерное выражение лица

со злым огнем в глазах осталось неизменным. Если Тошик был тем другим, о котором мечтает не только каждая девушка, но и мужчина тоже, то Хан... он казался одиночкой.

Скривившись, я вернулась к созерцанию разделки рыбы, к своей досаде, обнаружив, что Тошик не только закончил, но и начал приготовление, используя и свои, и мои заготовки. Минут через десять он уже доставал тарелки и аккуратно заполнял их вкуснейшей лапшой с овощами и рыбой.

Запах был изумительный, вид необычный, но завлекательный, поэтому отказываться я и не подумала.

Еще через полчаса мы сидели на диване и обсуждали, что делать дальше. Точнее, обсуждали мужчины, постоянно переходя на японский, но Тошик был настоящим ангелом, периодически обрывая Хана и переводя мне на английский. Как выяснилось, последний говорил на, казалось бы, самом распространенном языке в мире не очень хорошо, зато знал русский. На мой вопрос, почему так, снова ответил Тоши, не удержавшись от очередной подколки.

— Он вообще европейцев не любит, — хохотнул он.

— Меня он гайдзином обозвал, — обиженно наядбедничала я.

— Я же говорю, он ничего не понимает в жизни. Ты... ангел!

— Которая ведет себя как байшунпу,^[15] — зло бросил Хан, поднялся с дивана и вышел из комнаты.

— Я не знаю это слово, но что-то мне говорит, что приятного в нем мало, — пробормотала я.

— Не обращай внимания на этого мрачного типа, — подчеркнуто широко улыбнулся Тоши. — Не выпался, наверное, вот и срыгается на всех подряд.

— Переведи, — потребовала я.

— Так называют европейских девушек, — немного помявшись, сказал Тоши. — Так, все, забудь про него. Пошли гулять.

— Я думала, вы снимете медальон, и все. Мне еще надо поменять билет, — напомнила я.

— Успеешь, не переживай. В любом случае мы проведем в Камакуре не меньше дня.

— Не понимаю, в чем сложности, — нахмурилась я. — Взять кусачки, пережать цепочку... Или и цепочка настолько ценная, что ее тоже нельзя повредить?

— Мира, мне кажется, ты не понимаешь всю ситуацию. — Тоши стал серьезным. — Это не просто антикварный медальон. Это...

— Тошиюки!

А вот и цербер пожаловал... Я скривилась, но комментировать появление Хана, как и его приказной тон, не стала. Мальчишки играют в секреты? Это их право, как и мое — не слушать их и не оставаться в одной компании с тем, кто вызывает у меня дикое раздражение.

— И когда состоится знаменательное событие? — уточнила я и пояснила: — Снятие медальона.

— Вечером, — медленно ответил Хан. — Нам требуется подготовиться.

— Замечательно. Вернусь вечером. — Я встала, взяла рюкзак и, не оборачиваясь, покинула дом. Тоши и Хан что-то говорили вслед, но я сделала вид, что не поняла их.

Знаю, что это было невежливо с моей стороны, но, чтобы не сорваться на окружающих и не наговорить гадостей, предпочла уйти и немного остыть, лишь на мгновение остановившись, чтобы переобуться.

— Мира, подожди меня!

Я остановилась, обернулась и увидела — меня догнал Тоши. Он выглядел немного запыхавшимся, хотя я не успела отойти от его дома дальше чем метров на двести. И так стало его жалко, словно я и не кипела несколько секунд назад, не желая видеть никого из них. Впрочем, Тошик ничего плохого мне не сделал, наоборот, отнесся с радушием и заботой, и злиться на него я не могла.

— Я обещал показать тебе город, — напомнил он и взял меня за руку. — Возражения не принимаю.

Невольно улыбнувшись, я подождала несколько секунд, но потом вернула себе руку.

— Как ты относишься к пешим прогулкам?

— Замечательно, — пожалала я плечами и повинилась: — Но мне нужно где-нибудь найти кепку или шляпку, чтобы защитить кожу.

— Никаких проблем.

Словно обрадовавшись, что я не прогоняю его, Тошик развил деятельность. Мы пошли вперед, по пути заглянули в один из магазинчиков, где не прошло и минуты, как я стала обладательницей не только широкополой шляпы, но и солнцезащитных очков.

Тошиюки не останавливался ни на минуту, постоянно что-то рассказывая. Учитывая мое крайне нервное состояние, сначала хотелось его резко осадить, но он был таким милым, что ругаться на него — все равно что обидеть ребенка или пнуть животное. А потом я все же успокоилась и была рада, что он составил мне компанию.

Свой город Тоши любил, знал в нем каждый дом и улочку, много рассказывал о том или ином храме, коих в Камакуре оказалось более ста семидесяти. Я сразу поняла, насколько опрометчиво было мое стремление осмотреть их все. Впрочем, и без этого скучать не приходилось.

Город впечатлял, иначе и не скажешь. Возрастом чуть меньше тысячи лет, он был наполнен той традиционной красотой, которую восхваляли путеводители: медные крыши цвета морской волны, ярко-красные ворота и мостики, идеальные дороги, аккуратно подстриженные деревья. Но ни одно печатное издание или статья в интернете не могли передать красоту всего это «вживую». Поведение местных жителей, их степенность и достоинство, красоту храмов и садов, аккуратность вывесок. Несмотря на приятную компанию, я не раз и не два вздохнула, вспоминая мою вчерашнюю прогулку с Акио и сожалея, что его нет рядом. Тоши был милым, но от него сердце не билось чаще. Хотя надо признать, мужчину в городе знали едва ли не все. Тошик постоянно кланялся, здороваясь то с одним, то с другим, и, к моему удивлению, все встречные молодые девушки и вовсе млели от его улыбки. Я присмотрелась к моему новому знакомому повнимательнее, но не могла понять, что они все в нем нашли. Он действительно походил на добродушного песика, хотелось потрепать его по волосам, улыбнуться или устроить с ним розыгрыш, но как мужчина... Однако учитывая, сколько девушек продемонстрировали абсолютно одинаковую реакцию, наверное, со мной что-то не то.

Так или иначе, но мне частенько приходилось стоять в стороне с легкой вежливой улыбкой, пока Тоши поболтает то с одной, то с другой девушкой. Но как только они прощались, он вновь окутывал меня такой волной заботы и восхищения, что я невольно

начала понимать такую реакцию на мужчину. Несмотря на неказистый внешний вид, любая девушка рядом с ним чувствовала себя королевой и красавицей.

— Удивляюсь тебе, — призналась я во время прогулки до очередного храма. — Никак не могу соотнести то, что я знаю о японской культуре, с твоим поведением. Не избегаешь прикосновений. Наоборот, ты словно иницилируешь их... Прости, если обидела, — спохватилась я, понимая, что могла сказать не то.

— Все просто, — улыбнулся Тошиюки. — Моя мать — итальянка, поэтому во мне больше южной крови. И знаешь, такое сочетание очень нравится девушкам.

— Не сомневаюсь, — хихикнула я.

Слова Тошики много объяснили. Задавать новые вопросы, каким образом образовалась столь нетрадиционная семья, не стала. Несмотря на открытость Тошиюки, это не казалось подходящей темой для разговора.

* * *

Время шло, и я все чаще начала думать о том, что придется возвращаться в дом, где я снова буду лицезреть недовольную физиономию Хана. Поэтому, когда Тошик предложил посидеть в кафе и дать отдохнуть ногам, я с радостью ухватилась за его идею.

Заведение было из числа традиционных, где сидят на полу перед низкими столиками и наслаждаются чаем. Порадовавшись, что я в джинсах, с удовольствием уселась на подушки и согрела руки первой чашкой чая. Еще до того, как я успела допить ее, Тоши кто-то позвонил. Он извинился и вышел из зала. Оставшись в одиночестве, я несколько смутилась. Казалось, что все присутствующие разглядывают меня, хотя и не показывают вида, но я отчетливо чувствовала их интерес к себе кожей.

— Мира-сан?

Я замерла и, не веря своим ушам, подняла голову.

Акио! Но откуда он здесь?!

— Это судьба! — заявил мужчина, опускаясь рядом со мной. — Я хотел тебе еще вчера позвонить, чтобы узнать, как ты добралась до дома, но понял, что не взял твой номер телефона. Чуть с ума не сошел! И вот ты... Как ты здесь оказалась?!

— Так все быстро получилось. Друзья пригласили в гости, а учитывая, что до Токио час пути, думала вернуться к вечеру, — сочинила я на ходу облегченную версию. — Рада тебя видеть.

— Мира-сан. — Акио осторожно взял мою руку и погладил пальцы. — Я счастлив от нашей встречи... Мало того, что мы оказались в одном городе, так и пришли в эту чайную. Нельзя оставить этот знак без внимания. Больше я не отпущу тебя.

— Не отпускай, — эхом откликнулась я.

— Ты с друзьями здесь?

— Да, с приятелем, но он куда-то ушел... — я растеряннo оглянулась в поисках Тоши, но его и след простыл.

— Могу я тебя украсть? — улыбнулся Акио. — Не хочу терять ни минуты, но и наверстать то время, что мы вчера потеряли из-за моих дел. Ты согласна?

— Да, но мой приятель...

— Позвони другу, чтобы не волновался.

— Я не знаю его номера, — неожиданно осознала я и нахмурилась. — А я неожиданно оказалась без телефона...

Воспоминания, по какой причине пострадали планшет и телефон, вынудили нахмуриться, но при взгляде на Акио настроение сразу улучшилось. Мне на самом деле хотелось сбежать с Акио. Я так часто о нем думала, что его появление казалось чудом. Он прав, нельзя игнорировать такие совпадения!

— Я напишу ему записку, — придумала я решение проблемы.

Что тут же и сделала, достав из рюкзака ручку и вырвав листок из блокнота. Черкнула, что встретила друга, и мы ушли гулять. Просила не волноваться и пообещала, что вернусь вечером. Подозвав официанта, попросила передать записку Тошиюки, чтобы она случайно не затерялась. Еще одна заминка возникла насчет счета, но решила разобраться с этим вопросом, когда мы с Тоши встретимся вечером.

— Я готова, — объявила я, подхватила рюкзак и, опираясь на предложенную руку, покинула кафе.

* * *

— Моя шляпа, — обрадовалась я, когда села в машину после прогулки и открыла окно, чтобы впустить свежий воздух.

Мы еще несколько часов гуляли в одном из парков. Акио не отпускал моей руки, и я чувствовала себя такой же счастливой, как и вчера. И только тот факт, что наступил вечер, заставил меня попросить мужчину отвести меня к дому Тоши. Я помнила, что обещала вернуться вечером, и не хотела, чтобы у Хана появилась причина для проявления очередного недовольства. Не то чтобы мне не хотелось ему в очередной раз насолить, но я еще чувствовала вину из-за того, что сбежала из кафе и бросила Тошика. Почему-то на память пришла одна из любимых поговорок бабушки Аки: «И в пении, и в танцах надо знать меру». Так что пришло время расстаться с Акио и договориться о новой встрече, тем более, по его поведению, он и сам желал этого.

— Мира, — с придыханием сказал Акио, переплетая наши пальцы.

Я улыбнулась, вдохнула аромат приятного мужского парфюма и еле удержалась от желания мечтательно зажмуриться. С Акио было так хорошо и спокойно. В нем чувствовалась настоящая мужская мощь, но она не давила, как у Хана, а мягко обволакивала и туманила разум. Хотелось тонуть в его глазах, глупо улыбаться и не размыкать рук. Акио был настолько тактичен, внимателен и заботлив, что самой хотелось стать мягкой и ласковой, вежливой и молчаливой. Вся язвительность пропала, словно ее и не было. Я сама себя не узнавала и не понимала, что происходит, но с ним я была совершенно другой. Пугало ли это? Наверное, да.

— Мира, — вновь прошептал Акио, придвинувшись, насколько это было возможно.

Невольно я повторила его движение. От близости закружилась голова, а сердце пустилось вскачь. Руки, поглаживающие мои пальцы, сжали их чуть сильнее и потянули меня на мужчину. Было не совсем удобно, я чувствовала неуверенность, но не могла ничего поделать с собой. Я хотела, чтобы Акио меня поцеловал. Но прежде чем его губы коснулись моих, рука мужчины нежно обрисовала контур лица, погладила скулу, а подушечка большого пальца тронула нижнюю губу. Я нервно выдохнула, отчего прикосновение стало сильнее, но

почти сразу ладонь скользнула ниже, на шею. Я затаила дыхание, ожидая, что она проследует еще ниже, но вместо этого Акио резко отдернул руку и осторожно взял меня за подбородок. К первой присоединилась вторая, зарывшись в волосы. И вот я ощутила легкое давление на макушку, с радостью подалась вперед и закрыла глаза. Поцелуй был сладким, сводившим с ума, но таким осторожным, что я едва не застонала от разочарования. Хотелось больше страсти, может, даже безумства, чтобы мозги отключились, а так я только думала, почему он тянет. Хотя Акио был умен, и, несмотря на неторопливость, я все же постепенно начала теряться в ощущениях.

Стон сорвался с губ. Несмотря на хватку Акио, моя голова отклонилась назад, подставляя под его губы шею, а ладонью я уперлась в сиденье, чтобы удержать равновесие. Меня все еще напрягало открытое окно и то, что нас могли видеть прохожие, но закрыть его не было никаких сил, а Акио, видимо, не считал это существенной помехой. Наверное, именно это и мешало мне расслабиться до конца.

Визг тормозов совсем рядом заставил вздрогнуть, но я не стала отвлекаться. Еще немного, и меня окончательно накроет... Акио такой потрясающий, сексуальный, умный и внимательный. Он идеален! Возбуждение накатывало волнами все сильнее и сильнее. Протянув руку, я зарылась пальцами в волосы мужчины, притягивая его к себе. Поцелуй стал глубже, рука Акио жестче зафиксировала мою макушку, а вторая легла на талию, заставляя выгнуться...

* * *

Я совсем не поняла, что произошло. Все случилось одновременно. Раздался скрежет металла, разгоряченную спину обдул порыв ветра, и я ощутила, что кто-то схватил меня за талию и оторвал от Акио.

В голове властвовал туман, я не могла сфокусировать взгляд, но, когда мне это удалось, с бешенством поняла, что меня куда-то тащат, перекинув через плечо. В ярости я закричала и заколотила по мужской спине, но узнать «похитителя» смогла. Запах, сила хватки... Все кричало и подсказывало, что, кроме Хана, никто не мог со мной так поступить. Я попыталась выпрямиться, но в этот момент мужчина остановился, в одно движение спустил меня вниз, затем открыл дверь своей машины и чуть ли не затолкал внутрь. Все мои попытки отбиться на него не произвели никакого впечатления.

— Отпусти! Я никуда с тобой не поеду! — рявкнула я.

— Сиди! — ответил в том же тоне Хан.

Я снова рванулась из машины, но Хан обхватил мою шею пальцами и нажал на какую-то точку, отчего я моментально обмякла.

— Так-то лучше, — буркнул он, пристегивая меня ремнем безопасности, захлопывая дверь, а сам сел на свое место.

От обиды за такое обращение в глазах появились слезы. Я могла поворачивать голову, говорить, но все, что ниже спины, словно превратилось в каменную статую.

Я увидела, как Акио выскочил из машины и подбежал к нашей. Дернул ручку, но замок, видимо, уже был заблокирован. А когда мужчина врезал кулаком по боковому стеклу со стороны водителя, отчего топошло трещинами, нервно выдохнула. Примерно представляя, какая сила требуется на это, мне стало страшно.

Почувствовав, как Хан смотрит на меня, взглянула на него в ответ. Я видела злость в его глазах, отчаянно хотела вжаться в сиденье, но по-прежнему не могла пошевелиться.

— Мерзавец, — прошептала я.

— Это для твоей же пользы, — обронил он, окатывая меня ледяным взглядом.

Мне ничего не оставалось, как перевести взгляд на лобовое стекло. Внедорожник Хан оставил так, что блокировал машину Акио. Если судить по тому, как Датэ чуть не разбил стекло, то блокировка дверей его надолго не задержит. Не удержавшись от смеха, я торжествующе взглянула на Хана, чтобы увидеть, как мужчина близок к тому, чтобы окончательно впасть в бешенство. Ни слова не говоря, он переключил скорость и нажал на газ.

Я зажмурилась, когда почувствовала толчок, а затем услышала скрежет металла. А Хан лишь поддал, газу, отодвинул своей машину Акио, вырулил на улицу и уехал.

— Ты псих, — выпалила я.

— Просто помолчи, — коротко ответил он.

Да, на какое-то время я заткнулась. И дело было не в том, что я только-только начала чувствовать свое тело, а значит, эффект от действий Хана постепенно начал проходить, но и элементарно начала опасаться, что мы попадем в аварию. Нет, мужчина вовсе не гнал как ненормальный, а ехал довольно аккуратно, но я видела, как побелели его руки, сжимающие руль, а губы превратились в тонкую линию. И не хотела стать катализатором нового приступа ярости.

* * *

Когда машина остановилась у дома Тошиюки, чувствительность к моему телу вернулась, чего нельзя сказать о нервной системе. Полный раздрай! Быстрый взгляд на Хана, но он продолжал смотреть в одну точку перед собой. Разбираться, что за тараканы поселились у мужчины в голове, желания не было. Я просто открыла дверь и вышла из машины, хлопнув ею со всей злостью. Не в силах войти в дом, чтобы услышать претензии еще и от Тошиюки, а они обязательно должны были последовать после того, как я его бросила, прислонилась к машине спиной.

Я услышала, как открылась и хлопнула водительская дверь, но оборачиваться не стала. И даже когда Хан на мгновение остановился рядом со мной, поставил на землю мой рюкзак, никак не отреагировала. А вот когда мужчина направился в дом, так и не сказав мне ничего, не выдержала:

— Мерзавец...

Слова сами сорвались с губ, правда, так тихо, что я скорее прошептала их, чем озвучила в полный голос. Надо было промолчать. Это я осознала сразу, как только увидела, как Хан остановился, а его спина застыла в напряженной позе. Услышал... Затаив дыхание я наблюдала, как он подчеркнуто медленно развернулся, подошел ко мне и оперся ладонями о кузов по обе стороны от меня.

Хан был зол и не считал нужным это скрывать. Я и до этого момента чувствовала ауру власти и силы вокруг него, но мне казалось, что раньше он ее успешно прятал, сейчас же она просто сбивала с ног. Мужчина был ростом немного ниже Акио, но все равно умудрялся возвышаться надо мной горой, заставляя чувствовать себя маленькой и слабой.

Первым желанием было съежиться, поднырнуть под руку и убежать, но вместо этого я вскинула голову и с упрямой решимостью встретила его взгляд. Не только колени подгибались, меня всю колотило. Сердце стучало так, что отдавало в уши. Наверное, стоило порадоваться, что мой молчаливый бунт не остался незамеченным, ведь и дыхание Хана изменилось, став прерывистым, ноздри хищно втягивали воздух, а уголки губ постоянно подергивались. Мы оба молчали, продолжая смотреть друг на друга. И как я ни хотела оставаться стойкой и сильной, заметив, с какой силой он сжимал край крыши, испугалась. Сама не поняла, в какой момент попыталась отшатнуться назад, но лишь сильнее уперлась спиной в дверь машины. Моя нервная попытка увеличить расстояние между нами вызвала у мужчины легкую усмешку, он сделал глубокий вдох и на мгновение прикрыл глаза. Первый! Хоть в этой гонке я пришла к финишу первой. И только я хотела праздновать свою победу, как Хан снова посмотрел на меня, а в следующую секунду поцеловал...

Меня никогда так раньше не целовали! Яростно, страстно, заставляя забыть обо всем с первой секунды. На второй — с губ сорвался стон, с довольным рыком выпитый мужчиной. Дальше я потерялась во времени и хотела только одного — чтобы поцелуй никогда не заканчивался. Я горела в огне желания, тело плавилось, кровь превратилась в густую патоку, а в голове не осталось ни единой мысли. Когда его руки стиснули мою талию, вжимая в мужское тело, и вовсе выгнулась, чтобы усилить контакт. Не помню, в какой момент я обняла Хана за шею, но когда поцелуй прервался, я обнаружила, что он практически держит меня руками, нависая сверху. Руки сами разжались, машина перестала быть точкой опоры, когда мужчина резко отпустил меня и сделал шаг назад, отчего я едва не упала.

Хан пробормотал что-то неразборчивое, развернулся и вновь направился в сторону дома, где на пороге появился взволнованный Тоши.

— Мира, куда ты подевалась? — обиженно спросил он. — Мы не знали, что думать.

А я буравила взглядом спину в черной куртке и пыталась понять, что произошло несколько минут назад. Меня всю трясло от злости, возбуждения и неудовлетворенного желания.

— Мира! — Тошик остановился рядом со мной и заглянул мне в лицо. — Все в порядке?

— Да, — прошептала я, наблюдая, как Хан на мгновение остановился в дверях, а потом вошел внутрь. — Прости. Я думала, что записки будет достаточно.

— Ты просто представь мою реакцию, когда я вернулся, а тебя нет. Официант передает записку, где всего пара строк... Посетители кафе и вовсе сказали, что ты ушла с мужчиной. Мира, ты же никого не знаешь здесь! Или это был твой знакомый?

— Можно и так сказать. — Я вымученно улыбнулась. — Тошик, прости, но я не могу сейчас разговаривать. Если ты покажешь мне, где я могу переночевать, буду очень тебе благодарна.

— Хорошо, — кивнул он.

* * *

Хан стоял у окна, когда мы вошли. Мне было страшно на него даже смотреть, но я понимала: если я сейчас покажу свою обиду, то дам возможность узнать свои слабые места. Поэтому я подчеркнуто спокойно переобулась, аккуратно поставила обувь на полочке и прошла в комнату.

— Что насчет медальона? — равнодушно спросила я, не обращаясь ни к кому. — Вечер наступил, вы обещали его снять.

— Мира, прости, — ответил Тоши, в то время как Хан продолжал сверлить меня взглядом. — Но сегодня не получится. Потерпишь до завтра?

— Только если это действительно случится завтра, — язвительно заметила я. — Хочется поскорее закончить со всем этим.

— Уж потерпи несколько часов, — усмехнулся Хан.

— В жизни приходится терпеть вещи и похуже, — заметила я, демонстративно вытерев рот ладонью. — Тем более что половину времени я просплю. Тошик, проводишь меня?

— Конечно, ангел мой.

Я готова была расцеловать Тоши. Умничка все понял правильно и включился в игру, а нескрываемая злость в глазах Хана стала бальзамом уязвленному самолюбию.

— Спокойной ночи, — почти пропела я и отправилась за хозяином дома на второй этаж.

Тоши выделил мне небольшую спальню, в которой практически не было мебели, не считая низкого столика и шкафа. Я опустилась на татами,^[16] рассеянно наблюдая, как парень достал и вручил мне полотенца, новые тапочки, также показал, где находится одеяло, если я вдруг замерзну ночью, и уточнил, помню ли я, где находится ванная и нужно ли мне что-то еще.

— Спасибо, Тошик.

— Он обычно не ведет себя так...

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты исчезла... — не обращая внимания на мои слова, продолжил Тоши. — Мы переволновались, Хан так вообще себе места не находил. Несколько часов искал тебя по городу, пока я ждал дома, вдруг ты вернешься раньше.

— Меня или медальон искал? — не выдержала и уточнила я. — Ты так и не сказал, что с ним не так.

— Все сложно, — вздохнул он. — Но поверь, мы постараемся сделать все, чтобы ты не пострадала.

— Тошик, с тех пор как я познакомилась с Ханом, он неоднократно грубил мне, не говоря про его манеру обращаться, словно я тряпичная кукла. Колено и плечо заживут, а вот мое самолюбие — не уверена. Про то, что его стараниями я осталась без телефона и планшета, вообще молчу. Поэтому нельзя сказать, что все обошлось без последствий.

— Он просто не знает, как себя с тобой вести. Ты не похожа на японок, хотя внешне — идеал красоты.

— Я уже сказала и повторяю. У меня нет цели становиться японкой, я горжусь своей родиной. И я не буду ждать, когда мозги Хана встанут на место. Тошик, прости, но я устала и хочу отдохнуть, — намекнула, что пора закончить разговор.

— Выносливость лошади познается в пути, нрав человека — с течением времени, — усмехнулся Тоши и, отвернувшись в сторону, добавил: — Знаешь, в городе есть много храмов, где учат обретению спокойствия души. После сегодняшнего мне это жизненно необходимо. Хочешь составить компанию?

— С удовольствием, — улыбнулась я, вспомнив поговорку. Ее тоже повторяла бабушка Аки.

— Только не сбегай, — грозно заметил он и добавил мягче: — А теперь отдыхай.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Нарита — международный аэропорт, расположенный в городе Нарите (префектура Тиба, Япония), в восточной части Большого Токио, в 75 км от центра города. Через Нариту проходит большая часть международного пассажиропотока Японии.

Киото — расположен в центральной части острова Хонсю, в центре региона Кансай, в юго-западной части префектуры Киото. Город является административным центром этой префектуры. Один из ведущих городов региона Кансай и городского района Осака — Кобе — Киото.

Фудзи (Фудзисан, Фудзияма) — действующий стратовулкан на японском острове Хонсю в 90 километрах к юго-западу от Токио. Высота горы — 3776 м (самая высокая в Японии). В настоящее время вулкан считается слабоактивным, последнее извержение было в 1707–1708 гг. Гора имеет почти идеальные конические очертания и считается священной.

Сан — нейтрально-вежливый суффикс, довольно близко соответствующий обращению по имени-отчеству в русском языке. Широко употребляется во всех сферах жизни: в общении людей равного социального положения, при обращении младших к старшим и так далее. Часто используется при обращении к малознакомым людям. Кроме того, его может использовать романтически настроенный молодой человек по отношению к возлюбленной.

Токио — столица Японии, ее административный, финансовый, культурный, промышленный и политический центр. Расположен в юго-восточной части острова Хонсю, на равнине Канто в бухте Токийского залива Тихого океана.

Сакура — вишня. В Японии вишневый цвет символизирует облака (благодаря тому, что множество цветов сакуры часто цветут разом), помимо метафорического обозначения эфемерности жизни, этот культурный аспект часто ассоциируется с влиянием буддизма, являясь воплощением идеи о моно-но аварэ. Мимолетность, чрезвычайная красота и скорая смерть цветов часто сравниваются с человеческой смертностью. Благодаря этому цветок сакуры глубоко символичен в японской культуре.

Сад Коисикава Коракуэн — расположен в районе Бункё в Токио. Работы по созданию сада были начаты в 1626 г. Токугавой Ёрифусой и завершены его преемником Токугавой Мицукуни. Мицукуни назвал сад «Кораку-эн» (Кораку означает «получающий удовольствие впоследствии»). В саду впервые был использован принцип воссоздания знаменитых пейзажей в миниатюре.

Умэ — японская слива.

Ханами (любование цветами) — японская национальная традиция любования цветами. Начинает его шествие цветов умэ. Ханами — очень кратковременное удовольствие, длится около 7-10 дней, а затем лепестки опадают. При плохой погоде (ветер, дожди) лепестки облетают уже на пятый день. После умэ цветет сакура. Учитывая разницу в климате между югом и севером, цветение сакуры в Японии растягивается более чем на три месяца (с конца февраля до конца мая). По телевидению уже в начале марта сообщают сроки цветения сакуры в каждом отдельно взятом районе (в Токио это обычно начало апреля), а также информируют о количестве деревьев в каждом из парков.

Нара — центральный город Японии, административный центр префектуры Нара, знаменит своей историей. Со старых времен в городе остались многочисленные храмы, кумирни и сооружения.

Хаси — пара небольших палочек, традиционный столовый прибор в Восточной Азии. Палочки для японца — не только повседневная личная вещь (их не принято предоставлять в пользование другим), но и священный символ (японцы уважительно называют их «о-хаси»). По преданию, они приносят владельцу удачу и долгую жизнь, и поэтому хаси считаются хорошим праздничным подарком.

Бакэмоно (обакэ) — общее название для монстров, призраков или духов в японском фольклоре. Буквально означает «то, что меняется». Обычно эти слова переводятся как «призрак», но в основном они относятся к живым или сверхъестественным существам, временно изменившим свою форму и, таким образом, отличающимся от духов умерших. Тем не менее иногда термин «обакэ» может использоваться и для призрака — юрэй. Бакэмоно обычно или притворяется человеком, или появляется в странной или устрашающей форме. В быту любое необычное появление может быть названо бакэмоно или обакэ вне зависимости от того, верит ли человек, что у существа действительно есть другая форма.

Гайдзин — сокращение японского слова гайкокудзин, означающего «иностранец». В японском языке в просторечии часто используются сокращенные варианты длинных слов.

Камакура — один из древних городов Японии, был основан в 1192 г. Расположен в префектуре Канагава, на острове Хонсю. Город с трех сторон окружен лесистыми горами, а с юга выходит на залив Сагами.

Баишунпу — девушка «легкого поведения».

Татами — маты, которыми в Японии застилают полы домов (традиционного типа). Плетутся из тростника игуса и набиваются рисовой соломой, хотя в последнее время для набивки используется и синтетическая вата. Длинные края татами обшиваются тканью. Существуют правила, регламентирующие количество и расположение татами на полу. Татами имеют строго определенные площадь и форму. В Японии площадь комнат традиционно измеряется в татами, что учитывается при постройке дома.

Сутры — лаконичное и отрывочное высказывание, афоризмы, позднее — своды таких высказываний. Язык сутры характеризуется образностью и афористичностью, в сутрах часто используются притчи.

Дзэн — это школа мистического созерцания или учение о просветлении, появившееся на основе буддийского мистицизма.

Хасадэра — один из старейших храмов Камакуры (736 год). Храм известен под названием «Хасэ Каннон» и «Хасэдэра». В храме находится множество примечательных артефактов: самая крупная в Японии деревянная статуя богини милосердия Каннон, священная пещера, уникальный японский сад, хранилище сутр, павильон богини — защитницы детей.

Обаа-сан — бабушка.

Инари — синтоистское божество изобилия, риса (и злаковых культур вообще), лис, промышленности, житейского успеха, одно из основных божеств синтоизма. Инари может изображаться в образе мужчины, женщины либо андрогина и иногда рассматривается как собирательный образ трех или пяти отдельных kami.

Статуя Великого Будды — бронзовая статуя Дайбуцу — Великого Будды, второй по величине в Японии (первая находится в Нара). Ее высота — 11,4 м, вес — 93 тонны. Будда сидит под открытым небом, зеленые холмы создают прекрасный фон. Статуя была отлита в 1252 г.

Синтоизм, синто — традиционная религия Японии. Основана на анимистических верованиях древних японцев, объектами поклонения являются многочисленные божества и духи умерших. Испытала в своем развитии значительное влияние буддизма.

Тории — ритуальные ворота, устанавливаемые перед кумирнями или святилищами японской религии синто. Традиционно они представляют собой выкрашенные в красный цвет ворота без створок, из двух столбов, соединенных поверху двумя перекладинами. Верхняя перекладина тории носит название «касаги», а нижняя, расположенная сразу под ней, называется «нуки».

О-фуда — разновидность домашнего талисмана или амулета, получаемая в синтоистском храме. Она вешается в доме как защитный амулет (гофу). Иногда называется симпу. О-фуда выглядит либо как запись, содержащая имена kami и храма, либо как символ kami на полоске бумаги, дерева, ткани или металла.

Нуэ — мифическое существо из японского фольклора. Имеет голову обезьяны, тело тануки, ноги тигра и змею вместо хвоста. Нуэ может превращаться в черное облако и летать. Из-за внешнего вида его иногда называют японская химера. Нуэ приносят неудачу и болезни.

Екай — сверхъестественное существо японской мифологии, разновидность обакэ. Оригинальное китайское звучание термина — яогуай. В японском языке слово «ёкай» имеет очень широкое значение и может обозначать практически все сверхъестественные существа японской мифологии или даже заимствованные из европейской.

Кицунэ — японское название лисы. В японском фольклоре эти животные обладают большими знаниями, длинной жизнью и магическими способностями. Главная среди них — способность принять форму человека; лис, по преданиям, учится делать это по достижении определенного возраста (обычно сто лет, хотя в некоторых легендах — пятьдесят). В японской мифологии произошло смешение коренных японских поверий, характеризовавших лису как атрибут бога Инари, и китайских, считавших лис оборотнями, родом, близким к демонам. Другие возможности, обычно приписываемые кицунэ, включают способность вселяться в чужие тела, выдыхать или иначе создавать огонь, появляться в чужих снах и способность создавать иллюзии столь сложные, что они почти неотличимы от действительности.

Некоторые из сказаний заходят дальше, говоря о кицунэ со способностями искривлять пространство и время, сводить людей с ума или принимать такие нечеловеческие или фантастические формы, как деревья неопишуемой высоты или вторая луна в небе. Изредка кицунэ приписывают характеристики, напоминающие вампиров: они питаются жизненной или духовной силой людей, с которыми вступают в контакт. Иногда кицунэ описывают охраняющими круглый или грушевидный объект (хоси но тама, то есть «звездный шар»); утверждается, что завладевший этим шаром может заставить кицунэ помогать себе; одна из теорий утверждает, что кицунэ «запасают» часть своей магии в этом шаре после превращения. Кицунэ обязаны сдерживать свои обещания, иначе им придется понести наказание в виде снижения своего ранга или уровня силы.

Кицунэ связаны как с синтоистскими, так и с буддийскими верованиями. В синто кицунэ ассоциируются с Инари, божеством-покровителем рисовых полей и предпринимательства. Изначально лисы были посланниками (цукай) этого божества, но сейчас разница между ними настолько размылась, что Инари сам иногда изображается в виде лисы. В буддизме они получили известность благодаря популярной в IX–X веках в Японии школе тайного буддизма Сингон, одно из главных божеств которого, Дакини, изображалось ездящим по небу верхом на лисе.

В фольклоре кицунэ — это разновидность ёкая, то есть демона. В данном контексте слово «кицунэ» часто переводят как «лисий дух». Однако это не обязательно означает, что они не являются живыми существами или являются чем-то другим, нежели лисами. Слово «дух» в данном случае используется в восточном смысле, отражая состояние знания или озарения. Любой лис, который прожил достаточно долго, таким образом, может стать «лисыим духом». Существуют два основных вида кицунэ: мёбу, или божественный лис, часто ассоциируемая с Инари, и ногицунэ, или дикий лис (дословно «полевой лис»), часто, но не всегда описываемый как злой, имеющий злой умысел.

У кицунэ может быть до девяти хвостов. В целом считается, что чем старше и сильнее лис, тем больше у него хвостов. Некоторые источники утверждают даже, что кицунэ отрачивает дополнительный хвост каждые сотню или тысячу лет своей жизни. Однако лисы, встречающиеся в сказках, почти всегда обладают одним, пятью или девятью хвостами.

Когда кицунэ получают девять хвостов, их мех становится серебристым, белым или золотым. Эти кюби но кицунэ («девятихвостые лисы») получают силу бесконечной проницательности. Похожим образом в Корее говорится, что лиса, прожившая тысячу лет,

превращается в кумихо (Kumihō) (дословно «девятихвостый лис»), но корейский лис, как правило, изображается злым, в отличие от японского лиса, который может быть как благожелательным, так и недоброжелательным. В некоторых историях кицунэ испытывают сложности с утаением своего хвоста в человеческом облике (обычно лисы в таких историях имеют всего один хвост, что может быть указанием на слабость и неопытность лиса). Внимательный герой может разоблачить обернувшегося человеком пьяного или неосторожного лиса, разглядев сквозь одежду его хвост.

Одним из знаменитых кицунэ также является великий дух-хранитель Кюби. Это дух-хранитель и защитник, помогающий юным «заблудшим» душам на их пути в текущей инкарнации. Кюби обычно остается ненадолго, лишь на несколько дней, но в случае привязанности к одной душе может сопровождать ее годами. Это редкий тип кицунэ, награждающий нескольких счастливиц своим присутствием и помощью. Кюби могут управлять явлениями природы, временем и уводить людей в иные миры, откуда те вскоре возвращаются глубокими стариками. Но, как правило, такие лисы редко вредят людям.

В японском фольклоре кицунэ часто описываются обманщиками, иногда при этом очень злыми. Кицунэ-обманщики используют свои магические силы для шалостей: те, что показываются в благожелательном свете, стремятся выбирать своими целями слишком гордых самураев, жадных купцов и хвастливых людей, в то время как более жестокие кицунэ стремятся мучить бедных торговцев, фермеров и буддийских монахов.

Потомству браков между людьми и кицунэ обычно приписывают особые физические и/или сверхъестественные свойства. Конкретная природа этих свойств, однако, сильно меняется от одного источника к другому. Среди тех, у кого, как считалось, есть подобные экстраординарные возможности, — известный оммёдзи Абэ-но Сэймэй, который был ханьё (полудемоном), сыном человека и кицунэ.

Дождь, падающий среди ясного неба, иногда называют кицунэ-но ёмэири, или «свадьба кицунэ».

Они — в японской мифологии — большие, злобные, клыкастые и рогатые человекоподобные демоны с красной, голубой или черной кожей, живущие в Дзигоку, японском аналоге ада.

Цукумогами — разновидность японского духа: вещь, приобретающая душу и индивидуальность; ожившая вещь (хотя именно такое определение несколько спорно). Согласно поверьям японцев об этих духах (цукумогамиэмаки), цукумогами происходит от артефактов или вещей, которые существуют в течение очень длительного периода времени (от ста лет и более) и потому стали живыми или обрели сознание. Любой объект этого возраста, от меча до игрушки, может стать цукумогами. Цукумогами являются сверхъестественными существами, в отличие от заколдованных вещей. Также цукумогами могут стать вещи, которые были забыты либо потеряны, — в этом случае для превращения в цукумогами нужно меньше времени; такие вещи будут стараться вернуться к хозяину. Появление цукумогами в японском фольклоре датируется приблизительно X веком и является частью учения Сингон, согласно которому любая вещь обладает душой, но лишь старинные предметы могут проявлять свой характер.

Кавагүти — самое популярное у туристов озеро из Пяти озер у подножия горы Фудзи.

Эпоха Эдо — исторический период (1603–1868) Японии, время правления клана Токугава. Характеризуется как время установления диктатуры Токугава, одновременно с этим и как переход от средневековых междоусобиц даймё к полностью контролируемой стране.

Рёкан — гостиница в традиционном японском стиле. Для иностранных туристов рёкан является одной из главных достопримечательностей Японии. Рёкан представляет собой небольшой отель специфической формы, с характерно изогнутой крышей. Более новые постройки имеют современный западный вид. Внутри, на первом этаже, находится холл, где туристы могут отдохнуть и поговорить, а также посмотреть телевизор (если имеется). Гостиница отделана в традиционном японском стиле — можно увидеть настенные полотна с каной или иероглифами, характерные рисунки, а также икебаны, украшающие интерьер.

Номера для постояльцев также имеют традиционный вид — пол выстлан татами, а балконные двери представляют собой сёдзи (оклеенные тонкой бумагой бамбуковые решетки). Дверь, ведущая в комнату, тоже может быть сёдзи, но в последнее время в целях безопасности используются межкомнатные двери из более прочных материалов. В каждой комнате стоит небольшой стол с чайными принадлежностями, за которым постояльцы могут пообедать, так как многие предпочитают есть у себя в комнатах.

Кимоно — традиционная одежда в Японии. С середины XIX века считается японским национальным костюмом.

Онсэн — название горячих источников в Японии, а также зачастую и название сопутствующей им инфраструктуры туризма — отелей, постоялых домов, ресторанов, расположенных вблизи источника. Онсэны бывают открытыми, когда купание происходит в естественном водоеме, заполненном горячей водой из источника, и закрытыми, когда горячей минеральной водой наполняют специальные ванны офуро.

Традиционный онсэн предполагает купание на открытом воздухе. Многие онсэн в последнее время также дополнены и крытыми помещениями для купания, существуют онсэн и чисто закрытого типа, куда обычно горячая вода подается из скважины.

Традиционный онсэн в старояпонском стиле, наиболее почитаемый населением, имеет всего одну смешанную купальню для мужчин и женщин, часто она дополняется еще отделенной зоной купания только для женщин, или же устанавливаются определенные часы для тех или иных.

Юката — традиционная японская одежда, представляющая собой летнее повседневное хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки. Несмотря на значение слова, использование юкаты не ограничивается только ношением после ванны и является обычным явлением в Японии в течение жарких летних месяцев. Юкату также можно часто увидеть на онсэнах (горячих источниках). Юката входит в стандартный комплект постельного белья, предоставляемый постояльцам в японских гостиницах (нэмаки).

Рэйфуку — парадно-церемониальный мужской японский костюм. Сохранился почти в неизменном виде со времен феодализма до наших дней. Он состоит из кимоно, поверх которого надеваются хакама и хаори.

Хаори — вид плечевой верхней одежды японцев. Короткая распашная прямая куртка с широкими прямоугольными рукавами и стоячим воротником. В отличие от кимоно, хаори не запахивается, а соединяется впереди с помощью тесемок, которые завязываются бантом. Хакама — верхняя поясная одежда мужчин, широкая и длинная, до самых щиколоток, напоминающая юбку-брюки с жесткими складками спереди и сзади. У этих штанов боковые разрезы от талии до бедер, и обе их части пришиваются к двум поясам с длинными завязками.

Кэйсэки — легкая еда, состоящая из простых, не сытных, но изысканных блюд, предназначенных не для насыщения, а для снятия дискомфорта, вызванного чувством голода.

Омогаси — сладости к чаю.

Футон — традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраса, расстилаемого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.

Сама — суффикс, демонстрирующий максимально возможное уважение и почтение. Примерный аналог обращения «господин», «достопочтенный». Обязателен в любых письмах при указании адресата независимо от ранга. В разговорной речи используется достаточно редко и только при обращении лиц низшего социального положения к высшим или очень уважительное обращение младших к старшим. Употребляется при обращении священника к божествам, преданного слуги к господину, девушки к возлюбленному, а также в тексте официальных посланий.

Сэнген — богиня горы Фудзи, также носит имя Конохана-но-сакуя-химэ, или Дева Цветения Цветов на Деревьях, и на вершине горы стоит ее храм. По древнему преданию, эта богиня парит в сверкающем облаке над кратером Фудзи, ей служат невидимые слуги, которые готовы сбросить вниз любого паломника, кто придет на гору с нечистыми помыслами.

Нэдзуми — согласно японскому фольклору, крысы-оборотни. В человеческом облике — маленькие мерзкие людишки без всяких моральных принципов, с отличным нюхом и зрением.

Кодекс Бусидо — кодекс самурая, свод правил, рекомендаций и норм поведения истинного воина в обществе, в бою и наедине с собой, воинская мужская философия и мораль, уходящая корнями в глубокую древность. Бусидо, возникшее изначально в виде принципов воина вообще, благодаря включенным в него этическим ценностям и уважению к искусствам, в XII–XIII вв., с развитием класса самураев как благородных воинов, срослось с ним и окончательно оформилось в XVI–XVII вв. уже как кодекс самурайской этики.

Аокигахара («Равнина зеленых деревьев»); также известна, как *Дзюкай* («Море деревьев») — лес у подножия горы Фудзи на японском острове Хонсю. Общая площадь составляет примерно 35 кв. км. Рельеф леса включает множество скалистых пещер, а особенности расположения, в частности густота леса и низина, обеспечивают «оглушающую» тишину. Также утверждается, что под землей в районе леса находятся обширные залежи железной руды, этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в Аокигахаре не функционируют компасы.

Нурикабэ — ёкай, или дух, из японского фольклора. Проявляется как стена, которая встает непреодолимой преградой на пути прохожего или странника. Все попытки обойти это препятствие, неожиданно возникшее на пути, оказываются бессильны, так как стена способна распространяться бесконечно во все стороны. Справиться с нурикабэ, заставив преграду исчезнуть, можно, если постучать по нижней части стены.

Тануки — традиционные японские звери-оборотни, символизирующие счастье и благополучие. Обычно описываются в виде енотовидных собак. Второй по популярности зверь-оборотень (первый — кицунэ). В отличие от кицунэ, образ тануки практически лишен негативной окраски. Считается, что тануки — большие любители саке. Поэтому без его присутствия нельзя сделать хорошего саке. Тануки почитается не только как покровитель питейных заведений, но и как покровитель торговли.

Ловцы — ёкай, находящиеся в подчинении у заклинателей.

Заклинатель — человек, способный укрощать духов и общаться с душами умерших.

Хаори — вид плечевой верхней одежды японцев. Короткая распашная прямая куртка с широкими прямоугольными рукавами и стоячим воротником. В отличие от кимоно, хаори не запахивается, а соединяется впереди с помощью тесемок, которые завязываются бантом.

Нопэрапон — представитель класса неупокоенной нежити, с виду вполне человекоподобный, но не имеющий своего лица. Вместо него у нопэрапона гладкая, как лист, кожа. Поэтому он вынужден «воровать» чужие лица. Сам по себе нопэрапон не агрессивен.

Дракон — один из главных персонажей восточной культуры таких стран, как Китай, Япония и Корея. Жители этих стран относятся к драконам как к добрым божествам, главным героям национальных мифов и легенд. Благополучие, доброта, ум, энергия — все это в восточной мифологии связано с драконами. У японского дракона на лапах всегда по три пальца.